

ЭНТОНИ ГОРОВИЦ

ДОМ ЩЕЛКА

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ ИСТОРИЯ
О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ
ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«СОРОКИ-УБИЙЦЫ»!

Энтони Горовиц
Дом шелка
Серия «The Big Book»
Серия «Шерлок Холмс.
Свободные продолжения»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69416887

*Дом шелка : Новые приключения Шерлока Холмса : роман / Энтони
Горовиц; Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023
ISBN 978-5-389-23559-5*

Аннотация

В литературном и кинематографическом мире нет более популярного героя, чем Шерлок Холмс. Это имя стало сенсацией в 1890-х благодаря публикациям в журнале «Стрэнд», тиражи которого сразу выросли на треть. По числу экранизаций история о детективе с Бейкер-стрит попала в Книгу рекордов Гиннесса. О количестве литературных пастишей и говорить нечего, но официальное одобрение Фонда наследия Конан Дойла получил только Энтони Горовиц за свой роман «Дом шелка».

В карьере великого сыщика было дело, связанное с такими чудовищными и скандальными событиями, что написать о нем Ватсон, неизменный рассказчик увлекательнейших историй о

своем гениальном друге, решился не скоро. Он тщательно упаковал эти записки, отправил на хранение в надежное место и завещал открыть пакет не ранее чем через сто лет, потому что спрятанная в нем тайна под названием «Дом шелка» угрожала подорвать все устои общества...

Содержание

Благодарности	7
Пролог	9
Глава 1	16
Глава 2	33
Глава 3	52
Глава 4	75
Глава 5	93
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Антони Горовиц

Дом шелка

Anthony Horowitz

THE HOUSE OF SILK

Copyright © 2011 by Anthony Horowitz

© М. А. Загот, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Оформление обложки Егора Саламашенко, Владимира Гусакова

* * *

Все, что угодно, кроме «элементарного»!

Этот интеллектуальный триллер обязательно понравится поклонникам Шерлока.

People Magazine

Энтони Горовиц бросает вызов в своем чертовски умном пастише с участием Шерлока Холмса.

New York Times Book Review

В романе «Дом шелка» проникновенный голос рассказчика Ватсона заставит смолкнуть даже самого

придирчивого исследователя подвигов Шерлока.
NPR

Моему дорогому другу Джеффри С. Джозефу

Благодарности

Я благодарю Ли Джексона, который очень помог мне в аналитической работе над книгой. Его замечательный сайт www.victorianlondon.org – это блестящий (и бесплатный) источник для всех, кого интересует та эпоха. Две книги оказались для меня особенно полезными: «Лондон в XIX веке» Джерри Уайта и «Жизнь в викторианской Британии» Майкла Паттерсона. Впрочем, я не стеснялся обращаться за помощью к писателям того времени, в их число входят Джордж Гиссинг, Чарльз Диккенс, Энтони Тrollop, Артур Моррисон и Генри Мэйхью. Я также благодарю «Общество Шерлока Холмса», которое (до настоящего времени) оказывало мне поддержку, особо хочу упомянуть их представителя, доктора Марину Стаджик, любезно поделившуюся со мной своими знаниями в области токсологии в палате общин. Спасибо моему агенту – «агенту года» – Роберту Кирби, который первым предложил написать эту книгу. Спасибо Малкольму Эдвардсу из издательства «Орион», который терпеливо ждал появления этой книги восемь лет. Наконец – прежде всего, – я воздаю должное гению сэра Артура Конан Дойла, с кем я впервые познакомился в шестнадцатилетнем возрасте и чей удивительный творческий дар вдохновлял меня при написании собственной работы. Писать эту книгу было для меня невыразимой радостью, и я надеюсь, что не сильно отошел

от оригинала.

Пролог

Я часто размышляю над цепью странных обстоятельств, которые привели меня к длительной дружбе с одним из самых удивительных и замечательных людей моего времени. Будь я в душе философом, я бы задался вопросом: до какой степени любой из нас является хозяином собственной судьбы, можем ли мы предсказать далекоидущие последствия наших действий, которые в момент их совершения кажутся нам ничем не примечательными?

К примеру, мой дальний родственник Артур рекомендовал меня на должность помощника хирурга в Пятый Нортумберлендский стрелковый полк – он считал, что там я наберусь полезного опыта, – мог ли он предвидеть, что месяц спустя меня отправят в Афганистан? В то время конфликт, который принято называть Англо-афганской войной, еще и не думал разгораться. А что сказать о мусульманском воине, который в сражении при Майванде слегка нажал на спусковой крючок и всадил мне в плечо пулю? Девятьсот британских и индийских воинов в тот день отдали Богу душу, и мусульманин, несомненно, был намерен пополнить мною их ряды. Но, видимо, у него был сбит прицел, и, хотя я получил серьезное ранение, меня спас Джек Мюррей, мой верный санитар, добрейшей души человек, – целых две мили он тащил меня с территории противника в расположение британских

войск.

В сентябре того же года Мюррей умер в Кандагаре и так и не узнал, что меня по ранению отправили домой и что я несколько месяцев посвятил – чтобы хоть как-то оправдать его усилия по спасению моей жизни – достаточно бессмысленному существованию в околотских кругах Лондона. Но вскоре я всерьез задумался о том, чтобы перебраться на южное побережье... Пришлось посмотреть правде в глаза: финансы мои истощались достаточно быстро. Мне также дали понять, что морской воздух благотворно скажется на моем здоровье. Все-таки найти жилье подешевле в Лондоне было более желательно, и я уже собрался снять комнаты у биржевого маклера на Юстон-роуд. Но переговоры наши как-то не заладились, и я принял решение без дальнейших отлагательств: поеду в Гастингс, круг общения там, конечно, попроще, чем в Брайтоне, зато цена вдвое ниже. Вещи были упакованы, я был готов отправиться в путь, но тут мы заглянули к Генри Стэмфорду – не сказать к близкому другу, скорее знакомому, он был моим ассистентом в госпитале Сент-Бартс. За день до этого он изрядно набрался, проснулся с головной болью и, вполне возможно, именно поэтому взял отгул в химической лаборатории, где в то время работал. Бродя по Пикадилли-серкус, он решил прогуляться до Риджент-стрит и зайти в «Либерти» – купить жене подарок в подвальном этаже, где располагался так называемый восточный базар. Странно даже подумать, что, избери он другой

маршрут, он не столкнулся бы со мной, когда я выходил из бара «Критерион», – в результате я мог бы и не познакомиться с Шерлоком Холмсом.

Я уже где-то писал, что именно Стэмфорд предложил мне снять жилище на пару с неким специалистом по химическому анализу, который работал с ним в одном госпитале. Так Стэмфорд познакомил меня с Холмсом – тот как раз ставил эксперимент по выведению пятен крови. От первой нашей встречи у меня осталось странное впечатление: она привела меня в легкое замешательство, но, безусловно, запомнилась... и позволяла предположить, что впереди нас ждет много интересного.

В моей жизни эта встреча стала поворотным пунктом. Литературных амбиций я не имел никогда. Мало того, скажи мне кто-то, что меня будут издавать, я бы рассмеялся ему в лицо. Но могу совершенно честно и нисколько не льстя себе сказать: мне удалось прославиться тем, как я описал приключения этого великого человека. Я еще больше вырос в собственных глазах, когда получил приглашение выступить во время службы в память о нем в Вестминстерском аббатстве, но от этого приглашения я вежливо отказался. Сам Холмс частенько посмеивался над моими литературными потугами, и я не мог отделаться от ощущения, что, займи я место за кафедрой проповедника, я бы чувствовал его присутствие у себя за плечом – он бы безобидно посмеивался из могилы над моими пассажами.

Он всегда считал, что я преувеличиваю его способности, уж слишком высоко оцениваю его блестящий ум, легко проникавший в суть явлений. Он любил посмеяться над тем, как я строю свое повествование: я старался дать разгадку в самом конце, а он клялся, что ему все было ясно с первых же абзацев. Он не раз обвинял меня в тривиальном романтизме и считал, что я ничуть не лучше самого заурядного писака с Граб-стрит. Все же я полагаю, что он был ко мне несправедлив. За все время, что мы были знакомы, я ни разу не застал Холмса за чтением прозы – исключая, конечно, худшие образчики бульварной литературы. Я, безусловно, не считаю себя великим писателем, но могу смело сказать, что мои труды нашли свою аудиторию, а сам он нипочем не написал бы лучше. Собственно говоря, однажды Холмс в этом практически признался, когда в конце концов взял перо и бумагу и принялся собственными словами описывать странное дело Годфри Эмсуорта. Этот эпизод увидел свет в рассказе под названием «Приключения побелевшего солдата», и мы видим, что само это название далеко от совершенства: побелка больше подходит для стены.

Повторю: мои литературные дерзания получили достаточно высокую оценку, но признание подобного рода никогда не было для меня самоцелью. В силу описанных выше обстоятельств именно мне выпала честь обнародовать достижения самого прославленного частного детектива и представить на суд полной энтузиазма аудитории не менее шестидесяти рас-

сказов. Но куда ценнее для меня была многолетняя дружба с этим выдающимся человеком.

С того дня как Холмса нашли в его доме в Даунсе – он лежал неподвижно, вытянувшись на кровати во весь рост, – прошел год. Великий мозг замолчал навсегда. Услышав эту новость, я понял, что не просто лишился ближайшего сподвижника и друга, – во многих отношениях был утрачен сам смысл моего существования. Два брака, трое детей, семь внуков, успешная медицинская карьера, орден «За заслуги», врученный мне его величеством королем Эдуардом VII в 1908 году, – такими достижениями мог бы удовлетвориться любой. Но только не я. Я скучаю по Холмсу и поныне и порой, лежа без сна, словно вновь слышу до боли знакомые слова: «Игра начинается, Ватсон...»¹ Но они лишь напоминают мне о том, что окунуться во тьму и клубящийся туман Бейкер-стрит с надежным револьвером в руке мне уже не суждено. Я часто думаю, что Холмс ждет меня по другую сторону великой тени, в чье лоно неизбежно попадет каждый из нас, и скажу честно – я буду рад воссоединиться с ним. Моя застарелая рана с мучительной настойчивостью ведет меня к последнему порогу. На континенте бушует жуткая и бессмысленная война, и я перестал понимать мир, в котором живу.

¹ В оригинале стоит фраза «The game's afoot». Это цитата из пьесы Шекспира «Генрих V» (акт III, сцена I), переведенная в одном случае как «зверь поднят», а в другом – как «дичь поднята». При публикации повестей и рассказов о Шерлоке Холмсе переводилась как «игра начинается». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Почему же я снова решил взяться за перо и потревожить воспоминания, которые было бы лучше предать полному забвению? Возможно, мною движет эгоизм. Подобно многим старикам, чья жизнь осталась позади, я ищу умиротворения. Медсестры, которые помогают мне бороться с недугом, уверяют: сочинительство – отличная терапия, оно не позволит мне пасть духом, что порой случается. Но есть и другая причина.

«Банда в кепках» и «Дом шелка» были в некоторых отношениях самыми сенсационными делами в карьере Шерлока Холмса, но в свое время я не мог позволить себе рассказать о них – причины вскоре будут ясны со всей очевидностью. Эти два дела до такой степени сплелись воедино, что рассказывать о них по отдельности было немыслимо. В то же время мне всегда хотелось сделать их достоянием гласности, довершить образ Шерлока Холмса. Я чувствую себя химиком, который ищет магическую формулу, или филателистом, который не может в полной мере гордиться своей коллекцией марок, потому что в ней не хватает двух или трех редких экземпляров. Остановить себя я не могу. Я должен об этом написать.

Я не мог сделать этого раньше – и дело отнюдь не в том, что Холмс, как всем хорошо известно, терпеть не мог публичности. Нет. События, о которых я собираюсь рассказать, были столь чудовищны и скандальны, что и речи не могло идти об их огласке. Таковыми они остаются и сейчас. Без

преувеличения скажу: огласка этих событий разорвет на части всю ткань нашего общества, тем более во время войны, а на такой риск я пойти не могу. Когда я закончу это описание – будем надеяться, что силы не оставят меня раньше, – я тщательно упакую рукопись и переправлю ее в хранилище банка «Кокс и К^о» на Чаринг-Кросс, где я держу и другие свои ценные бумаги. Мои инструкции будут таковы: пакет можно открыть только через сто лет. Невозможно представить, каким будет мир по прошествии такого большого отрезка времени, какие шаги вперед сделает человечество, но будущих читателей едва ли смутят постыдные и позорные события – в отличие от моих современников. Именно читателям будущего я завещаю мой последний портрет Шерлока Холмса, а также картину наших дней, доселе невиданную.

Достаточно – я израсходовал слишком много энергии на описание собственных забот. Пора вновь открыть дверь дома 221-б на Бейкер-стрит и войти в комнату, где началось так много приключений. Я все вижу воочию: мерцание лампы за стеклом, семнадцать ступеней, которые надо преодолеть, поднимаясь в дом с улицы. Как давно все это было, как далеко все это от меня сегодняшнего... Да. А вот и он, с неизменной трубкой в руке. Он поворачивается ко мне. На лице улыбка. «Игра начинается...»

Глава 1

Галерист из Уимблдона

– Грипп – штука неприятная, – заметил Шерлок Холмс. – Но вы правы: с помощью вашей жены ребенок скоро поправится.

– Очень на это надеюсь, – ответил я, тут же осекся и, широко раскрыв глаза, уставился на него. Чашка с чаем застыла на полпути к губам, но я поставил ее на стол с такой силой, что она едва не рассталась с блюдцем. – Черт подери, Холмс! – воскликнул я. – Вы просто прочитали мои мысли. Но готов поклясться: я ни словом не обмолвился о ребенке или его болезни. Да, вы можете догадаться, что моя жена в отъезде. Само мое присутствие здесь наводит вас на эту мысль. Но я еще не объяснил, по какой причине ее нет, и с уверенностью могу сказать: мое поведение никоим образом не могло дать вам намек на эту причину.

Этот диалог состоялся в конце ноября 1890 года. Лондон был в плену безжалостной зимы, на улицах стоял такой холод, что, кажется, застыли сами газовые фонари и излучаемый ими скромный свет растворялся в лондонском тумане. Люди, укутав лицо и склонив голову, перемещались по тротуарам, словно привидения, мимо них громыхали экипажи, а лошади мечтали вернуться в конюшню. Я был рад, что на-

хожусь не на улице, а в знакомом помещении, в камине поигрывает пламенем огонь, в воздухе висит привычный запах табака, а вокруг совершенный беспорядок, каким предпочитал окружать себя мой друг, – и это означало, что все правильно, все на своих местах.

Телеграммой я уведомил Холмса о своем намерении арендовать ту же комнату и провести некоторое время в его обществе, и его положительный ответ встретил с большим энтузиазмом. Моя медицинская практика могла дать мне передышку. Временно я остался один. Я хотел понаблюдать за моим другом и удостовериться, что он полностью восстановил здоровье. Дело в том, что Холмс морил себя голодом три дня и три ночи, отказываясь от пищи и воды, чтобы убедить жестокого и мстительного противника – смерть вот-вот заключит Холмса в свои объятия. Военная хитрость сработала, результат оказался триумфальным: злодей попал в надежные руки инспектора Мортонa из Скотленд-Ярда. Но напряжение, которому подверг себя Холмс, все еще вызывало у меня беспокойство, и я решил понаблюдать за ним, пока обмен веществ в его организме полностью не восстановится.

Поэтому я был рад видеть, как он поглощает содержимое большой тарелки, которую на подносе принесла для нас двоих миссис Хадсон: лепешки с фиалковым медом и сметаной, а также чай с бисквитным тортом. Холмс явно шел на поправку, он расслабленно полулежал в своем большом кресле, вытянув ноги в направлении камина, на нем был хоро-

шо знакомый мне халат. Фигуру его всегда можно было назвать поджарой и даже худощавой, а орлиный нос подчеркивал остроту взгляда, но сейчас на щеках его играл румянец, а голос и манеры позволяли предположить: он вполне пришел в себя.

Он тепло приветствовал меня, я расположился напротив и испытал странное ощущение, словно проснулся после глубокого сна. Словно не было в моей жизни трех последних лет, когда я встретил мою обожаемую Мэри, взял ее в жены, перебрался в наш дом в Кенсингтоне, который купил на деньги, вырученные от продажи жемчуга из сокровищ Агры. Казалось, что я, как и прежде, холостяк, живу бок о бок с Холмсом и делю с ним тревоги и волнения, связанные с очередной погоней или разгадкой очередной тайны.

Я подозревал, что такое положение дел было бы для него предпочтительным. Холмс редко спрашивал, что творится на моем домашнем фронте. Во время моей свадьбы он был за границей, и мне пришло в голову, что его отъезд мог быть вовсе не случайным. Не скажу, что тема моего супружества была табу, но мы как бы пришли к молчаливому согласию не обсуждать ее подробно. Холмс видел, что в семейной жизни я счастлив и умиротворен, и великодушно обходился безо всяких шуток и подковырок по этому поводу. Когда я впервые предстал перед ним в новом качестве, он спросил меня о миссис Ватсон. Но он не стал ничего выпытывать, а сам я не счел нужным распространяться на эту тему, в итоге его

замечания на этот счет были совершенно непостижимыми.

– Вы смотрите на меня, словно я фокусник, – заметил Холмс с улыбкой. – Надо полагать, расскажам Эдгара Аллана По вы дали отставку?

– Вы про его детектива Дюпена? – спросил я.

– Он пользовался методом, который определял как «умозаключение». По его теории можно прочесть самые сокровенные мысли человека, даже если тот и рта не раскрыл. Достаточно проанализировать его движения, последить за его мимикой. В свое время эта идея произвела на меня большое впечатление, но, припоминая, вы отнеслись к ней с некоторым презрением...

– И теперь мне приходится за это платить, – заключил я. – Холмс, вы всерьез хотите сказать, что способны сделать вывод о болезни ребенка, которого никогда не видели, просто глядя на то, как я поглощаю лепешки?

– Этот вывод не единственный, – откликнулся Холмс. – Могу добавить, что вы недавно вернулись с Холборнского виадука. Что дом вы покидали в спешке, но все равно опоздали на поезд. Сейчас вы живете без служанки, – может быть, все дело в этом?

– Прекратите, Холмс! – воскликнул я. – На эту удочку я не клюну!

– Разве я ошибся?

– Нет. Полное попадание по всем пунктам. Но как такое возможно?

– Все просто: наблюдение и дедукция, первое поставляет информацию для второго. Я могу пуститься в объяснения, но они покажутся вам до обидного детскими.

– Тем не менее я хотел бы их услышать.

– Что ж, коль скоро вы выбрались ко мне с визитом, придется пойти на поводу у вашей настойчивости, – согласился Холмс и чуть заметно зевнул. – Начнем с самого факта вашего приезда сюда. Если меня не подводит память, ваш брак приближается к третьей годовщине, верно?

– Именно так, Холмс. До нее осталось ровно два дня.

– Не самое подходящее время для разлуки с женой. Вы ведь только что сказали: ваше решение пожить со мной под одной крышей, да еще и достаточно долго, подразумевает, что ее отъезд вызван весьма серьезной причиной. Что же это за причина? Насколько я помню, мисс Мэри Морстен, как ее звали до замужества, прибыла в Англию из Индии, здесь у нее друзей или родственников не было. Она стала работать гувернанткой, присматривать за сыном некоей миссис Сесил Форрестер в Камберуэлле, где вы с ней, собственно, и познакомились. Миссис Форрестер была с ней очень мила, особенно когда настали трудные времена, и я готов предположить, что между ними установились доверительные и близкие отношения.

– Вы совершенно правы.

– И если кто-то и мог подвигнуть вашу жену на отъезд из дома, миссис Форрестер выглядит вполне подходящей кан-

дидатурой. Какая же причина может скрываться за подобной просьбой? За окном стоит холодная погода, и в первую очередь приходит в голову болезнь ребенка. Приболевшему мальчику было бы очень приятно, окажись рядом его любимая гувернантка.

– Его зовут Ричард, мальчику девять лет, – добавил я. – Но почему вы уверены, что у него грипп, а не нечто более серьезное?

– Если бы дело обстояло так, вы бы наверняка занялись ребенком лично.

– Пока ваши рассуждения в высшей степени понятны и просты, – признал я. – Но как вы узнали, что мои мысли были сосредоточены на этой теме в данную конкретную минуту?

– Надеюсь, дорогой Ватсон, вы не обидитесь, если я скажу, что вы для меня – открытая книга, каждый ваш новый жест – это новая страница. Вы сидите напротив и потягиваете чай, и я вижу, что ваш взгляд устремлен в лежащую на столе газету. Вы посмотрели на заголовок, протянули руку и перевернули газету лицом вниз. Почему? Наверное, вам приглянулась по душе заметка о крушении поезда в Нортон-Фицуоррен несколько недель тому назад. Сегодня опубликовали результаты расследования гибели десяти пассажиров, и, понятное дело, вам совершенно не хочется об этом читать, потому что вы только что попрощались с женой на вокзале.

– Да, заметка напомнила мне о ее поездке, – согласился я. – Но болезнь ребенка?

– С газеты взор ваш переместился на ковровую дорожку рядом со столом, и я ясно увидел, как вы украдкой улыбае-тесь. Именно на этом месте когда-то стоял ваш медицинский саквояж, мысль о котором и напомнила вам о причине по-ездки вашей жены.

– Ну, Холмс, это уже из области догадок, – возразил я. – Например, вы упомянули Холборнский виадук. А ведь это мог быть любой вокзал Лондона.

– Вы прекрасно знаете, что догадок я сторонюсь. Иногда надо применить воображение на основе вещественных дока-зательств, но это вовсе не одно и то же. Миссис Форрестер живет в Камберуэлле. Поезда в Чатем и Дувр регулярно ухо-дят со станции Виадук Холборн. Этот вывод представляет-ся вполне логичным, но вы облегчили мне задачу, поставив у двери ваш собственный чемодан. Из этого кресла мне хо-рошо видна наклейка на ручке чемодана: «Виадук Холборн, камера хранения».

– А все остальное?

– Отсутствие служанки и поспешный выход из дома? Ма-зок черной ваксы на рукаве указывает на то и другое сразу. Вы сами чистили себе обувь и действовали не вполне акку-ратно. Далее, в спешке вы забыли надеть перчатки...

– Мое пальто забрала миссис Хадсон. Она вполне могла забрать и перчатки.

– Но мы с вами обменялись рукопожатием, и ваша рука была очень холодная. Нет, Ватсон, весь ваш облик говорит

об отсутствии организующего начала, о беспорядке.

– Все, что вы сказали, правда, – признал я. – Осталась только одна тайна, Холмс. Откуда вам известно, что моя жена опоздала на поезд?

– Когда вы вошли, я уловил на вашей одежде сильный запах кофе. С чего бы вам пить кофе, если вы собираетесь ко мне на чай? Вывод: вы опоздали на поезд и были вынуждены пробыть с женой дольше, чем намеревались. Вы сдали чемодан в камеру хранения и пошли с женой в кофейню. Не на Локхарт-стрит? Я слышал, там готовят отличный кофе.

Ненадолго воцарилась тишина, после чего я расхохотался.

– Что ж, Холмс, – сказал я, – вижу, что о вашем здоровье можно не тревожиться. Вы блистательны, как всегда.

– Но это же элементарно, – ответил детектив, вяло поведя рукой. – Впрочем, похоже, нас ждет нечто более интересное. Если не ошибаюсь, кто-то стоит у наших входных дверей...

Холмс оказался прав: снова появилась миссис Хадсон, на сей раз не одна. В комнату вошел человек: он выглядел как персонаж какой-нибудь пьесы на сцене лондонского театра. Смокинг, бабочка, черная накидка на плечах, жилет, шикарные кожаные туфли. В одной руке пара белых перчаток, в другой – трость из розового дерева с серебряным набалдашником и рукояткой. Грива темных волос откинута назад и открывает высокий лоб. Кожа бледная, лицо, не будь оно слегка вытянуто, можно было бы назвать красивым. Я дал бы ему лет тридцать пять, в то же время он выглядел старше – уж че-

ресчур серьезный облик, к тому же он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Мне сразу вспомнились некоторые мои пациенты – те, что отказывались верить в свою болезнь, пока очевидные симптомы не убеждали их в обратном. Именно их заболевания оказывались самыми тяжелыми. Вот и новый посетитель не выказывал особой радости от встречи с нами. Он стоял в дверях и взволнованно озирался по сторонам, а миссис Хадсон передала Холмсу его визитку.

– Господин Карстерс, – произнес Холмс, – прошу садиться.

– Простите, что прибыл вот так, без объявления и приглашения. – Говорил он отрывисто и суховато. Глаза пока блуждали, не желая встречаться с нашими. – Если честно, у меня вообще не было намерения приходить сюда. Я живу в Уимблдоне, неподалеку от теннисных кортов, и приехал в город слушать оперу, но сейчас мне не до Вагнера. Я только что из клуба, где встречался с моим бухгалтером, я знаю этого человека много лет и считаю своим другом. Я рассказал ему о своих неприятностях, о том, как они отравляют мне жизнь и делают ее невыносимой, и он упомянул вас и настоятельно рекомендовал посоветоваться с вами. По случайному совпадению мой клуб находится совсем рядом, и я решил направиться прямо к вам.

– Буду рад выслушать вас, – сказал Холмс.

– А этот господин?.. – Посетитель указал на меня.

– Это доктор Джон Ватсон. Он мой ближайший сподвиж-

ник, так что не сомневайтесь – все, что вы хотите рассказать мне, может быть произнесено в его присутствии.

– Ну что ж. Меня зовут, как вы видите, Эдмунд Карстерс, я торгую произведениями искусства. У меня своя галерея, «Карстерс и Финч», на Элбмарл-стрит, она действует вот уже шесть лет. Основная сфера наших интересов – работы великих художников, в основном прошлого века: Гейнсборо, Рейнольдс, Констебл и Тёрнер. Не сомневаюсь, что вы знакомы с их картинами, цены на эти полотна самые высокие. Только на этой неделе я продал два портрета работы Ван Дейка частному клиенту на общую сумму двадцать пять тысяч фунтов. Бизнес у нас вполне процветающий, успешный, на соседних улицах появляются все новые и новые галереи, но я бы назвал их вторичными. С годами нам удалось заработать достойную репутацию – нас ценят за трезвость оценки и надежность. Среди наших клиентов много знати, наши работы вывешены в самых изысканных особняках страны.

– А ваш партнер господин Финч?

– Тобиас Финч гораздо старше меня, хотя доли у нас равные. Если мы иногда расходимся во мнениях, это объясняется тем, что он человек более консервативный и осторожный, чем я. Например, меня очень интересуют новые работы, которые приходят к нам с континента. Я имею в виду художников, ставших известными как импрессионисты, например Моне и Дега. Всего неделю назад мне предложили зарисовку на берегу моря Писсарро, на мой взгляд весьма яркую и жи-

вописную. Увы, мнение моего партнера с моим не совпадает. Он утверждает, что такие работы недалеко ушли от мазни, – некоторые формы вблизи действительно трудноразличимы, но он не видит сути картины, и переубедить его я не могу. Впрочем, господа, не буду утомлять вас лекцией о живописи. Галерея наша вполне традиционная, таковой в ближайшем будущем и останется.

Холмс кивнул:

– Прошу вас, продолжайте.

– Господин Холмс, две недели назад я понял, что за мной следят. Риджуэй-холл – так называется мой дом – стоит на углу узкого переулка, в некотором отдалении находятся несколько богаделен. Это наши ближайшие соседи. Мы окружены общественными землями, и из моей гардеробной открывается вид на деревенские угодья. И вот во вторник утром я увидел там человека: он стоял, широко раздвинув ноги и скрестив руки, стоял совершенно неподвижно, и этой неподвижностью я был просто изумлен. Он был достаточно далеко, и я не мог разглядеть его черты, но мне показалось, что это иностранец. На нем был длинный сюртук с накладными плечами, покрой явно не английский. В прошлом году я был в Америке и готов высказать догадку, что этот человек прибыл оттуда. Но более всего – причину объясню позже – меня поразило другое: на голове его был головной убор – кепка.

И вот эта кепка и сама его поза, когда я впервые его уви-

дел, здорово вывели меня из равновесия. Полное отсутствие движения – в этом он мог вполне соперничать с пугалом, клянусь вам. Шел легкий дождь, ветерок носил его над кварталом, но человек этого будто не замечал. Глаза его были устремлены на мое окно. Могу сказать, что из них словно шел темный луч и он сверлил меня. Я смотрел на него, наверное, не меньше минуты, потом пошел завтракать. Но перед тем как приступить к трапезе, я послал слугу взглянуть, стоит ли этот человек на прежнем месте. Его не было. Слуга доложил, что на полях никого нет.

– Отдельный случай, – заметил Холмс. – Не сомневаюсь, что Риджуэй-холл – дом, заслуживающий внимания. Приезжему он вполне мог показаться достойным объектом для изучения.

– Я и сам довольствовался таким объяснением. Но через несколько дней он появился снова. Мы с женой были в Лондоне, только что вышли из театра – ходили в «Савой», – и я не сумел его как следует разглядеть. На сей раз он стоял на виду, под уличным фонарем, но сам этот фонарь отбрасывал тень на его лицо и играл роль вуали. Возможно, таковым и было его намерение.

– Но это был именно он?

– Вне всякого сомнения.

– А ваша жена его видела?

– Нет. Я не хотел ее тревожить и ничего ей не сказал. Нас ждала двуколка, и мы тут же уехали.

– Чрезвычайно интересно, – заметил Холмс. – Действия этого человека противоречат здравому смыслу. Он стоит посреди деревенских угодий и под уличным фонарем. С одной стороны, он хочет, чтобы его увидели. С другой – даже не пытается к вам подойти.

– Он подошел ко мне, – откликнулся Карстерс. – На следующий же день; я как раз приехал домой раньше обычного. Мой друг Финч оставался в галерее, он заносил в каталог коллекцию рисунков и гравюр Сэмюэла Скотта. Моя помощь ему не требовалась, к тому же после двух упомянутых встреч мне было не по себе. К Риджуэй-холлу я подъехал около трех часов, и слава богу, потому что этот негодяй собирался постучать в дверь моего дома. Я окликнул его, он обернулся и увидел меня. Тотчас же он кинулся в мою сторону, и я, уверенный, что он собирается меня ударить, даже поднял трость, чтобы защититься. Но насилие в его планы не входило. Он приблизился ко мне вплотную, и впервые я разглядел его лицо: тонкие губы, темные карие глаза, багровый шрам на правой щеке – видимо, след от недавнего пулевого ранения. Он был под воздействием алкоголя – от него пахло спиртным. Он не произнес ни слова, но поднял вверх записку и сунул ее мне в руку. И сразу же убежал – я не успел его остановить.

– А записка? – полюбопытствовал Холмс.

– Она при мне.

Галерист извлек на свет сложенный вчетверо листок бу-

маги и передал его Холмсу. Тот аккуратно развернул его.

– Передайте, пожалуйста, мою лупу, Ватсон.

Я исполнил просьбу, и он повернулся к Карстерсу:

– Конверта не было?

– Нет.

– Это очень важное обстоятельство. Ну-ка, поглядим...

На страничке было всего пять слов, написанных печатными буквами:

ЦЕРКОВЬ ДЕВЫ МАРИИ, ЗАВТРА, ПОЛДЕНЬ.

– Бумага английская, – заметил Холмс, – даже если сам ваш визитер приезжий. Обратите внимание, Ватсон, – написано печатными буквами. Какова, на ваш взгляд, цель?

– Скрыть собственный почерк, – предположил я.

– Возможно. С другой стороны, этот человек никогда господину Карстерсу не писал и едва ли напишет впредь – зачем ему скрывать свой почерк? Господин Карстерс, записка была сложена, когда вам ее передали?

– Нет. По-моему, нет. Я сам сложил ее позже.

– Что ж, картина проясняется. В записке идет речь о церкви Девы Марии. Надо полагать, она находится в Уимблдоне?

– На Хотхаус-лейн, – ответил Карстерс, – в нескольких минутах ходьбы от моего дома.

– В таком поведении тоже мало логики, как считаете? Человек хочет с вами поговорить. С этой целью он сует вам в руку записку. При этом молчит. Практически не произносит

ни слова.

– Мне кажется, он хочет поговорить со мной наедине. Кстати, моя жена Кэтрин вышла из дома буквально через несколько секунд. Она стояла у окна гостиной, которое выходит прямо на подъездную дорожку, и все видела. «Кто это такой?» – спросила она. «Понятия не имею», – был мой ответ. «Чего он хотел?» Я показал ей записку. «Он хочет денег, – сказала она. – Я видела его из окна – настоящий разбойник. На прошлой неделе в полях разбили табор цыгане. Скорее всего, он один из них. Эдмунд, ходить на встречу с ним незачем». – «Не тревожься, дорогая, – сказал я жене, – я и не собираюсь с ним встречаться».

– Жену вы успокоили, – пробормотал Холмс, – а сами в назначенное время пришли в церковь.

– Именно, и положил в карман револьвер. Но этого типа не было. В этой церкви вообще не много прихожан, а тут еще пронизывающий холод. Час я маршировал по плитам перед входом в церковь, потом направился домой. Больше я о нем ничего не слышал, он не появлялся, но я не могу выкинуть его из головы.

– Вы знаете этого человека, – высказал предположение Холмс.

– Да, господин Холмс. Вы попали в точку. Я думаю, что знаю, кто этот человек, хотя, признаюсь откровенно, мне не вполне понятно, на каком основании такой вывод сделали вы.

– Мне это показалось совершенно очевидным, – ответил Холмс. – Вы видели этого человека только три раза. Он назначил вам встречу, но сам же и не пришел. Из вашего описания вовсе не следует, что этот человек представляет для вас угрозу, но вы начали с неприятностей, которые отравляют вам жизнь, а на встречу с этим человеком пошли, вооружившись револьвером. И вы пока не сказали нам, в чем тайный смысл кепки.

– Я знаю, кто он. Знаю, что ему нужно. Меня пугает, что он проследовал за мной в Англию.

– Из Америки?

– Да.

– Господин Карстерс, ваш рассказ чрезвычайно интересен, и, если у вас есть время до начала оперы или если вы готовы пожертвовать увертюрой, мне кажется, вам следует рассказать все с самого начала и до конца. Вы говорили, что год назад ездили в Америку. С человеком в кепке вы встретились там?

– Раньше мы лично не встречались. Но в Америку я приехал из-за него.

– Если позволите, я набью трубку. Не возражаете? Давайте вернемся к началу, и вы расскажете нам, что привело вас на другую сторону Атлантики. Галерист, по моему пониманию, не тот человек, который легко наживает врагов. А вам это явно удалось.

– Согласен. Моего недруга зовут Килан О’Донахью – ка-

жется, все бы отдал, чтобы никогда не слышать этого имени.

Холмс потянулся к персидской тапке, где держал табак, и начал набивать трубку. Эдмунд Карстерс тем временем перевел дыхание, и вот что мы услышали.

Глава 2

Банда в кепках

– Полтора года назад я был представлен довольно необычному человеку, звали его Корнелиус Стилмен, он совершал длительную поездку по Европе и заканчивал ее в Лондоне. Жил он на Восточном побережье Америки и принадлежал к клану так называемых бостонских браминов, то есть входил в число местной знати и аристократии. Он сколотил состояние на шахтах компании «Калумет и Хекла», к тому же вложил средства в железные дороги и телефонные компании. Видимо, в молодые годы он мечтал о карьере художника, и частично его приезд в Европу объяснялся желанием посетить музеи и галереи Парижа, Флоренции, Рима и Лондона.

Подобно многим богатым американцам, господин Стилмен был исполнен чувства гражданской ответственности, что, несомненно, делало ему честь. Он приобрел землю в бостонском районе Бэк-Бей и уже приступил к строительству художественной галереи, которую назвал «Парфенон», планируя заполнить ее самыми замечательными произведениями искусства, купленными во время его путешествий. Я познакомился с ним на одном приеме, и он произвел на меня впечатление человека-вулкана, кипящего энергией и энтузиазмом. В одежде этот американец был достаточно старо-

моден, носил бороду, а в глазу поблескивал монокль, но он оказался на диво осведомленным человеком, бегло говорящим по-французски и по-итальянски и даже имевшим представление о древнегреческом. Он глубоко разбирался в искусстве, эстетическое начало в нем было очень развито, в итоге он заметно отличался от большинства своих соотечественников. Не нужно подозревать меня в излишнем шовинизме, господин Холмс. Этот человек сам рассказывал мне, как хромает в его стране культурная жизнь, с годами он к такому положению вещей привык: величайшие полотна выставлялись рядом с уродцами, какими-то русалками и карликами. Он видел, как постановке пьесы Шекспира предшествовало выступление канатоходцев и акробатов. Так обстояли дела в Бостоне того времени. В «Парфеноне» все будет иначе, сказал он. Это, как следовало из названия, будет храм искусства и цивилизации.

Я очень обрадовался, когда господин Стилмен согласился посетить мою галерею на Элбмарл-стрит. Мы с господином Финчем провели в его обществе несколько часов, подробно ознакомили его с нашим каталогом, показали последние покупки, сделанные нами на разных аукционах Англии. Короле говоря, он купил у нас работы Ромни, Стаббса и Лоуренса, а также четыре пейзажа Джона Констебла – настоящую гордость нашей коллекции. Это были изображения Озерного края, датированные тысяча восемьсот шестым годом, совершенно не похожие на другие работы этого выдающегося ма-

стера. Они создавали удивительное настроение, в них улавливалась подлинная глубина, и господин Стилмен обещал: эти пейзажи будут выставлены в большом, хорошо освещенном зале, который спроектируют специально для них. Мы выторговали блестящие условия. С учетом происшедшего хочу сказать, что мой банковский счет пополнился кругленькой суммой. Господин Финч заметил, что эта сделка, вне всяких сомнений, наиболее успешная в нашей жизни.

Оставалось доставить картины в Бостон. Мы тщательно их упаковали, поместили в деревянный ящик и отправили «Белой звездой» из Ливерпуля в Нью-Йорк. По велению судьбы мы решили, что передадим картины непосредственно в Бостоне, – это было одно из решений, которые в момент их принятия не кажутся существенными, но потом ты долгое время о них сожалеешь. Именно до Бостона отправлялось судно «Эдвенчерер», но мы опоздали на несколько часов и в итоге поместили драгоценный груз на другой океанский лайнер, плывший до Нью-Йорка. Там груз принял наш агент, толковый молодой человек по имени Джеймс Девои, и отправился с ним до Бостона по железной дороге «Бостон и Олбани» – путешествие длиной в сто девяносто миль. Но добраться до пункта назначения нашим картинам было не суждено.

В то время в Бостоне орудовало несколько банд, главным образом на юге города, в Чарльзтауне и Сомерсвилле. У многих из них были диковинные названия: «Мертвые кроли-

ки», «Сорок воров», а сами бандиты были ирландского происхождения. С грустью думаешь о том, что великая страна приняла их с распростертыми объятиями, а они взамен предложили беззаконие и насилие, но дело обстояло именно так, и полиция была не способна остановить их или передать в руки правосудия. Одна из самых активных и опасных групп именовалась «Банда в кепках», заправилами были братья-близнецы Рурк и Килан О'Донахью, родом из Белфаста. Этих двух дьяволов я охарактеризую с особой тщательностью, потому что в моей истории они занимают центральное место.

Эта парочка была неразлучна. При рождении они выглядели совершенно одинаково, но Рурк вырос крупнее брата – квадратные плечи, грудь бочонком, могучие кулаки, которые он был всегда готов пустить в ход. Говорили, что во время карточной игры он забил человека до смерти, а ему едва минуло шестнадцать лет. Килан по контрасту всегда находился в тени брата, он был поменьше и поспокойнее. Собственно, он вообще мало говорил, ходили слухи, что даром речи Бог его обделил. Рурк носил бороду, Килан был чисто выбрит. Оба ходили в кепках, отсюда и название их банды. Было также известно, что у них на руках выколоты инициалы друг друга, и во всех отношениях они были неразделимы.

Что касается других членов банды, их клички говорят сами за себя и хорошо их характеризуют. Фрэнк Келли – Бешеный Пес, Маклин Патрик – Лезвие. Еще один был известен

как Привидение и внушал окружающим ужас, подобно любому сверхъестественному существу. Сфера их деятельности включала в себя все мыслимые виды уличных преступлений: разбой, грабеж, а также покровительство. При этом бостонская беднота относилась к ним с большим почтением и не понимала очевидного: эти мерзавцы были гнойным нарывом на теле общества. Это были отщепенцы, которые плевать хотели на и без того далекие от совершенства законы. Вам, разумеется, известно, что близнецы занимают особое место в мифологии со времен рассвета цивилизации. Есть Ромул и Рем, Аполлон и Артемида, а Кастор и Поллукс обрели бессмертие на звездном небе в созвездии Близнецы. Некая аура окружала и братьев О'Донахью. Среди простого народа бытовало убеждение, что их не поймают никогда, что абсолютно все сойдет им с рук.

Когда я отсылал картины в Саутгемптоне, о «Банде в кепках» я не знал ничего, вообще никогда о них не слышал, но именно в это время кто-то сообщил бандитам: через несколько дней американская компания по производству банковских билетов будет перевозить много денег в Массачусетский первый национальный банк – из Нью-Йорка в Бостон. Сумма якобы составляла сто тысяч долларов, а повезут деньги по железной дороге «Бостон и Олбани». Кто-то говорил, что операцию по ограблению поезда задумал Рурк. Другие считали, что из двух братьев мозгом был именно Килан. Так или иначе, они решили напасть на поезд, когда он

будет еще в пути, и освободить его от денежной массы.

Попытки грабить поезда все еще предпринимались на западных границах Америки – в Калифорнии и Аризоне, – но провернуть подобное на более развитом Восточном побережье было практически немыслимо, поэтому в поезде, который отправился с Центрального вокзала в Нью-Йорке, был всего один вооруженный охранник – в почтовом вагоне. Банкноты находились в сейфе. А картины – надо же, чтобы так не повезло! – были тут же, рядом, в своем деревянном ящике. Наш агент Джеймс Девоу ехал в вагоне второго класса. К своим обязанностям он всегда относился добросовестно и расположился как можно ближе к почтовому вагону.

Для захвата «Банда в кепках» выбрала участок пути неподалеку от Питсфилда. Здесь, перед мостом через реку Коннектикут, поезд преодолевает довольно крутой подъем. Он заезжает в туннель длиной две тысячи футов, и на выезде по правилам железной дороги машинист обязан проверить тормоза. Поэтому поезд в этом месте шел очень медленно, и братья О'Донахью без особого труда спрыгнули на крышу одного из вагонов. Оттуда они перелезли через тендер и, к изумлению машиниста и его помощника, внезапно появились в машинном отделении с оружием в руках.

Они велели остановить поезд на лесной просеке. Со всех сторон их окружали высокие белые сосны – природная ширма, под прикрытием которой они могли легко совершить свое преступление. Келли, Маклин и другие бандиты ждали

наготове с лошадьми и с динамитом, который похитили где-то на стройплощадке. Все они были вооружены. Когда поезд остановился, Рурк ударил машиниста рукояткой револьвера по голове и оглушил его. Килан молча достал веревку и привязал помощника к металлической опоре. Тем временем остальные бандиты ворвались в поезд. Они велели пассажирам оставаться на местах, а сами двинулись к почтовому вагону, намереваясь взорвать его дверь.

Джеймс Девои все это видел и пришел в ужас от возможных последствий. Видимо, он догадался, что грабителей интересуют отнюдь не полотна Констебла. В конце концов, об их существовании знало всего несколько человек, и, даже если бы у бандитов хватило мозгов или образования, чтобы опознать работы великого мастера, они просто не нашли бы желающих эти картины купить. Остальные пассажиры сидели тихо и смирно, а Девои встал со своего места и пошел к бандитам на переговоры. По крайней мере, я полагаю, что его намерение было именно таковым. Но не успел он открыть рот, как Рурк О'Донахью обернулся и застрелил беднягу на месте. Бандит всадил три пули Девою в грудь, тот рухнул на пол и нашел свое последнее упокоевание в луже собственной крови.

Находившийся в почтовом вагоне охранник услышал выстрелы. Могу себе представить, какой ужас он испытал, когда понял, что по ту сторону двери орудуют бандиты. Может быть, он открыл бы дверь по их требованию? Нам этого ни-

когда не узнать. Через минуту прогремел мощный взрыв, и вся стена почтового вагона разлетелась на части. Охранник погиб на месте. Доступ к сейфу с деньгами был открыт.

Второго, куда более скромного взрыва, хватило на то, чтобы открыть сейф, – и злоумышленники обнаружили, что им дали ложную информацию. В Массачусетский первый национальный банк было послано всего две тысячи долларов; возможно, для этих бродяг и такие деньги – целое состояние, но сумма была гораздо меньше той, на которую они рассчитывали. Но они все равно схватили банкноты с радостными воплями, нимало не заботясь о том, что оставили после себя два трупа, и не представляя, что их взрывы уничтожили четыре полотна, которые стоили в двадцать раз больше похищенной ими суммы. Эти, да и другие погибшие картины – невосполнимая потеря для британского искусства. Я постоянно напоминаю себе, что во время этого налета погиб замечательный и исполнительный молодой человек, но, как ни стыдно мне в этом признаться, потерю картин я оплакиваю в меньшей степени.

Мой друг Финч и я были потрясены, когда узнали о случившемся. Поначалу дело нам представили так, что картины похищены, и такой вариант был бы более предпочтительным, потому что этими работами мог бы насладиться хоть кто-то и всегда оставалась возможность украденное вернуть. Надо же, чтобы налет произошел столь не вовремя, и до какой степени вандализма доходят люди ради пачки банкнот!

Вот когда мы горько пожалели, что выбрали не тот маршрут, – получается, во всем виноваты мы сами! Беспокоили нас и финансовые соображения. Господин Стилмен внес за картины большой аванс, но по контракту мы целиком несли за них ответственность вплоть до передачи их ему в руки. Счастье, что мы застраховали отгрузку на Лондонском страховом рынке Ллойда, – в противном случае нас ждало разорение, ведь в конце концов аванс пришлось бы вернуть. Еще одно неудобное обстоятельство – семья Джеймса Девоя. Я выяснил, что у него остались жена и маленький ребенок. Кто-то должен был о них позаботиться.

Именно по этим причинам я решил отправиться в Америку и отбыл из Англии без промедления. Моим первым пунктом назначения был Нью-Йорк. Там я встретился с госпожой Девой и обещал ей определенную компенсацию. Ее сыну было девять лет – более милого и симпатичного ребенка трудно себе представить. Потом я перебрался в Бостон, а оттуда в Провиденс, где Корнелиус Стилмен воздвиг себе летнюю резиденцию. Надо сказать, что хоть я и провел в его обществе достаточно много часов, но все равно не был готов к зрелищу, которое открылось перед моими глазами. Шепердс-Пойнт оказался гигантским сооружением – наподобие французского замка, – построенным известным архитектором Ричардом Моррисом Хантом. Одни сады простирались на тридцать гектаров, а интерьер дома говорил об изобилии, охватить которое мое воображение было не в си-

лах. Сам Стилмен настоял на том, чтобы устроить мне экскурсию по дому, и я едва ли когда-нибудь ее забуду. Великолепная деревянная лестница, занимавшая господствующее положение в большом зале, библиотека на пять тысяч томов, комплект шахмат, когда-то принадлежавших Фридриху Великому, часовня со старинным органом, на котором играл Пёрселл. К тому времени как мы добрались до подвального этажа, где был плавательный бассейн и площадка для игры в боулинг, я изрядно подустал. А живопись! Я отметил работы Тициана, Рембрандта и Веласкеса, а мы еще не добрались до гостиной. Я разглядывал всю эту роскошь, несметные богатства хозяина дома, и вдруг в голову мне пришла идея.

Вечером во время ужина – мы сидели за гигантским средневековым столом для приемов, обслуживал нас чернокожий слуга, одетый, я бы сказал, по-колониальному, – я заговорил о госпоже Девой и ее сыне. Стилмен заверил меня: хоть они и не живут в Бостоне, отцы города по его просьбе о них позаботятся. Вдохновленный его ответом, я перешел к «Банде в кепках» и спросил, можно ли с его помощью призвать их к ответственности – ведь пока бостонская полиция не сильно продвинулась в этом деле. Возможно ли, спросил я, предложить значительное вознаграждение тому, кто укажет, где они находятся, а также нанять частных детективов, чтобы они задержали бандитов от нашего имени. Так мы отомстим им за убийство Джеймса Девоя, а заодно и накажем за утрату пейзажей Констебла.

Стилмен ухватился за мое предложение с энтузиазмом.

– Вы правы, Карстерс! – воскликнул он, с грохотом стукнув кулаком по столу. – Именно так мы и поступим. Эти подонки надолго запомнят день, когда они вздумали прищепить хвост Корнелиусу Стилмену!

Это не была его обычная манера выражаться, но мы к тому времени успели разделаться с бутылкой тончайшего кларета и принялись за портвейн, и господин Стилмен был в необычно приподнятом настроении. Он с настойчивостью заявил, что полностью оплатит расходы на детективов и само вознаграждение, хотя я был готов внести определенную долю. Мы пожали друг другу руки, и он предложил мне остаться у него, пока будут приняты все необходимые меры, – это приглашение я с радостью принял. Искусство – это моя жизнь как коллекционера и галериста. А в летней резиденции Стилмена было столько сокровищ, что состояние транса было мне обеспечено на несколько месяцев.

Но события пошли более короткой дорогой. Господин Стилмен обратился в агентство Пинкертона и нанял человека по имени Билл Макпарленд. На встречу с ним был приглашен и я... Стилмен относился к типу людей, которые все должны сделать сами и на свой манер. При этом его репутация со всей очевидностью говорила, что он выдающийся исследователь и не успокоится, пока «Банда в кепках» не окажется в его руках. В то же время в рекламном приложении к «Бостон дейли» было помещено объявление: награда в сто

долларов – немалая сумма – за информацию, которая приведет к аресту Рурка и Килана О’Донахью и всех остальных, связанных с совершенным преступлением. Мне было приятно, что под объявлением рядом со своим именем господин Стилмен поставил мое, хотя все финансовые затраты взял на себя он.

Следующие недели я провел в Шепердс-Пойнте и в самом Бостоне, удивительно красивом и быстро растущем городе. Несколько раз я съездил в Нью-Йорк и с удовольствием провел какое-то время в Метрополитен-музее – в этом не очень удачном с архитектурной точки зрения здании содержалась великолепная коллекция. Я также навестил госпожу Девой и ее сына. Именно в Нью-Йорке я получил телеграмму от Стилмена с просьбой срочно вернуться. Объявление о вознаграждении сработало. Макпарленд получил нужные сведения. Кольцо вокруг «Банды в кепках» было готово сомкнуться.

Я сразу же вернулся и снял номер в гостинице на Скул-стрит. Вечером туда приехал Корнелиус Стилмен и рассказал, что произошло.

Сведения поступили от владельца пивной – в Америке их называют салунами – в Саут-Энде, не слишком благополучном районе Бостона, где нашли себе пристанище эмигранты из Ирландии. Близнецы О’Донахью ютились в узком многоквартирном доме неподалеку от Чарльз-Ривер – мрачном и убогом трехэтажном сооружении с десятком прижавшихся

друг к другу комнат, без прихожих, всего с одним туалетом на каждом этаже. Прямо по коридорам текли сточные воды, и зловонный запах перебивали лишь сотни печурок, в которых сжигали уголь. Жуткий притон – вечно орут дети, бузят пьяные мужчины, что-то бормочут полубезумные женщины. Сзади была наспех сколоченная деревянная пристройка с вкраплениями из кирпича, ее-то и облюбовали близнецы. У Килана была отдельная комната. Рурк делил другую с двумя членами банды. Остальные «кепки» занимали третью комнату.

Деньги, похищенные из поезда, давно исчезли – бандиты спустили их на спиртное, просадили в карты. Когда солнце в тот вечер близилось к закату, все они сидели, сгрудившись у печи, и, как обычно, потягивали джин и играли в карты. Караульного не было. Зачем? Соседи сунуться к ним никогда не осмелятся, а бостонская полиция к похищению двух тысяч долларов давно потеряла интерес. Поэтому они даже не думали о приближении Макпарленда с десятком вооруженных человек, которые быстро окружили здание.

Пинкертоновцам велели взять бандитов живыми, если удастся, – Стилмен надеялся предать их суду, к тому же в непосредственной близости было много невинных людей, и беспорядочной пальбы хотелось бы по возможности избежать. Приведя своих людей в состояние полной готовности, Макпарленд взял припасенный громкоговоритель и предложил бандитам сдаться. Но его ждало разочарование – «Банда

в кепках», недолго думая, открыла яростный огонь. Да, близнецы позволили застать себя врасплох, но сдаваться без боя не собирались – и море свинца выплеснулось на улицу, пули летели не только из окон, но и сквозь дыры в самих стенах. Двоих пинкертоновцев подстрелили, ранение получил и сам Макпарленд, но остальные не спасовали и разрядили в здание шестизарядные обоймы своих револьверов. Сотни пуль прошибли хлипкую древесину – трудно себе представить, что творилось внутри. Никакой защиты не было. Укрыться было негде.

Когда все было кончено, в задымленной пристройке представители закона нашли пять мужских трупов, истерзанных пулями в ключья. Одному бандиту удалось бежать. Поначалу такое показалось невозможным, но осведомитель господина Макпарленда заверил его: вся шайка была в сборе и ответный огонь вели шесть человек. Комнату тщательно обследовали – и разгадка была найдена. Одна половица не была прибита гвоздями. Ее отодвинули – и открылся узкий дренажный водосток, который тек под поверхностью земли и уходил прямо в реку. Через него Килан О’Донахью и сбежал, хотя задача перед ним стояла дьявольски трудная. Правильнее будет сказать не «сбежал», а «уполз», потому что в этой трубе мог поместиться разве что ребенок, и никто из агентов Пинкертона туда лезть не решился. Макпарленд повел своих людей вдоль реки, но к тому времени наступила крошечная тьма, и он знал: поиски ни к чему не приведут. «Банда в

кепках» была уничтожена, но одному из ее главарей удалось спастись.

Все это мне рассказал Корнелиус Стилмен в тот вечер в гостиничном номере, но история на этом, увы, не кончается.

Я остался в Бостоне еще на неделю, частично в надежде, что Килана О'Донахью найдут. На самом деле в душе возникло легкое беспокойство. Возможно, оно жило во мне с самого начала, но только теперь я осознал его в полной мере. Речь идет о проклятом объявлении, ранее мною упомянутом, — под ним стояло мое имя. Стилмен сделал достоинством гласности тот факт, что я имею отношение к вознаграждению и к «ударной группе», которая занялась поимкой «Банды в кепках». Поначалу я, исполненный чувства общественного долга, был ему за это благодарен, пожалуй, даже почитал за честь быть упомянутым рядом с этой выдающейся личностью. Но теперь я понял: один близнец убит, а другой гуляет на свободе! Я прекрасная мишень для мести, особенно в районе, где самые жуткие преступники могут рассчитывать на поддержку множества друзей и почитателей. Я с опаской входил в гостиницу и выходил из нее. В неблагополучные районы города старался не соваться, по вечерам сидел в номере.

Килана О'Донахью не поймали, и даже высказывались сомнения: а жив ли он? Ведь он мог получить ранения и скончаться от потери крови где-нибудь под землей, подобно крысе. Вполне мог и утонуть. Ко времени нашей последней

встречи Стилмен, несомненно, убедил себя, что Килана все-таки нашла смерть, – впрочем, Стилмен из тех, кто не любит признавать себя побежденным. Я обратился в судоходную компанию «Кьюнард» и заказал билет в Англию на «Каталонию». К сожалению, попрощаться с госпожой Девой и ее сыном не удалось: времени на поездку в Нью-Йорк уже не было. Я вышел из гостиницы. Хорошо помню, что фактически уже ступил на трап судна, когда услышал свежие новости. Их прокричал мальчишка-газетчик, да они и сами кричали с первой страницы.

Корнелиус Стилмен был застрелен у себя дома, в Провиденсе, он гулял среди роз по саду. Трясущимися руками я взял экземпляр газеты и прочитал: убийство произошло накануне, люди видели, как с места преступления убежал молодой человек в твидовом пиджаке, шарфе и кепке. Его уже ищут и будут искать по всей Новой Англии, потому что убитый – бостонский брамин, и будет сделано все, чтобы преступнику было воздано по заслугам. По сообщению полиции, в поисках ей помогал Билл Макпарленд, и в этом была своя ирония, ибо за день до смерти Стилмена эти двое разругались. Стилмен оставил у себя половину предназначенного пинкертоновцам гонорара – работа будет считаться выполненной, когда найдут последнее тело. А оказалось, что тело это преспокойно ходит по улицам, – личность убийцы не вызывала ни малейших сомнений.

Я прочитал статью и взошел на судно. Отправился прямо-

ком в свою каюту и не выходил из нее до шести вечера – в это время «Каталония», издав мощный посвист, отшвартовалась от причала и направилась в открытое море. Только тогда я вышел на палубу и попрощался с Бостоном, он становился все меньше, потом совсем исчез. Я уплывал, испытывая губочайшее облегчение.

Вот, господа, мой вам рассказ о пропавших полотнах Констебла и моей поездке в Америку. Безусловно, я рассказал о случившемся моему партнеру господину Финчу, а также моей жене. Но больше – никому. Эта история случилась год с лишним назад. Вплоть до появления человека в кепке у моего дома в Уимблдоне я надеялся – и молил Бога, – что вспоминать о ней мне больше не придется.

Холмс докурил трубку задолго до того, как галерист завершил свое повествование, и слушал, сцепив перед собой длинные пальцы с выражением высшей сосредоточенности на лице. Повисла долгая пауза. Уголек в камине свалился вниз, и вспыхнул костерок. Эти звуки словно пробудили Холмса от сна.

– Какую оперу вы собирались сегодня слушать? – спросил он.

Этого вопроса я ожидал меньше всего. В свете рассказанного он представлялся на редкость пустячным, и я даже подумал, что Холмс намеренно позволил себе грубость.

Видимо, Эдмунду Карстерсу тоже так показалось. Он чуть

подался назад, перевел взгляд на меня, снова посмотрел на Холмса.

– Мой рассказ не произвел на вас никакого впечатления? – спросил он.

– Наоборот, я слушал его с возрастающим интересом и хочу поздравить вас – ясность и точное изображение деталей очень пришлись мне по душе.

– А человек в кепке...

– Вы, наверное, полагаете, что это Килан О’Донахью и он приехал в Англию, чтобы вам отомстить?

– У вас есть другое объяснение?

– С ходу могу предложить не меньше полудюжины. Меня всегда поражало, что истолковать цепь событий можно совершенно по-разному, пока не будут собраны исключаящие такие толкования улики, да и тогда следует быть очень осторожным с выводами. В нашем с вами случае вполне возможно, что этот молодой человек пересек Атлантику и добрался до вашего дома в Уимблдоне. Но возникает вопрос: почему это путешествие он совершил через год после описанных вами событий? С какой целью пригласил вас на встречу в церковь Девы Марии? Он ведь мог застрелить вас при первой встрече, будь его намерение именно таковым. Еще более странно, что на назначенную им же встречу он не пришел.

– Он пытается меня терроризировать.

– И делает это вполне успешно.

– Вы правы. – Карстерс склонил голову. – Вы хотите ска-

зять, что не можете мне помочь, господин Холмс?

– На данном этапе не вижу, какие полезные действия я могу предпринять. Ваш непрошенный гость, кем бы он ни был, не оставил никаких следов своего местопребывания. С другой стороны, если он вновь появится, я буду рад оказать вам любую посильную помощь. Напоследок хочу сказать вам вот что, господин Карстерс. Идите в оперу в спокойном состоянии духа. Я не верю, что этот человек хочет вам как-то навредить.

Но Холмс оказался не прав. Именно об этом свидетельствовали события следующего дня. Человек в кепке нанес новый удар.

Глава 3

В Риджуэй-холле

На следующее утро, когда мы завтракали, принесли телеграмму.

ВЕЧЕРОМ О'ДОНАХЬЮ ПРИХОДИЛ СНОВА.
МОЙ СЕЙФ ВЗЛОМАН, Я ВЫЗВАЛ ПОЛИЦИЮ.
ВЫ МОЖЕТЕ ПРИЕХАТЬ?

Ниже стояла подпись: «Эдмунд Карстерс».

– Что об этом думаете, Ватсон? – спросил Холмс, бросив газету на стол.

– Что он вернулся раньше, чем вы предполагали, – ответил я.

– Отнюдь. Чего-то подобного я как раз и ждал. С самого начала мне показалось, что так называемого человека в кепке Риджуэй-холл интересуется гораздо больше, чем его хозяин.

– Вы ожидали, что будет ограбление? – произнес я, чуть запнувшись. – Но, Холмс, почему вы не предупредили господина Карстерса? По крайней мере, могли на такую вероятность намекнуть.

– Вы слышали, Ватсон, что я вчера сказал. Без дальнейших улик я бессилен. Но теперь наш незванный гость самым великодушным образом решил нам помочь. Скорее всего, он проник в дом через окно. В таком случае он прошел по

лужайке, остановился в цветочной клумбе, наследил на ков-
ре. Это позволит нам определить как минимум его рост, вес,
профессию и особенности походки, если таковые имеются.
Возможно, он был так любезен, что обронил какой-нибудь
предмет или случайно что-то позабыл. Если он забрал дра-
гоценности, от них надо будет избавиться. Если деньги –
об этом тоже станет известно. Он обязательно оставит след,
который мы сможем взять. Вы не передадите мармелад? В
Уимблдон идет много поездов. Вы составите мне компанию?

– Конечно, Холмс. Лучше занятия и не придумать.

– Отлично. Иногда я спрашиваю себя: где взять энергию
на очередное расследование? Но в данном случае стимул
очевиден: со временем обществу станет известно все до ма-
лейших подробностей.

Я давно привык к подобной бравade – она просто означа-
ла, что мой друг пребывает в хорошем расположении духа, –
поэтому пикироваться с ним не стал. Холмс докурил утрен-
нюю трубку, мы надели верхнюю одежду и вышли из дому.
Расстояние до Уимблдона было невелико, но мы приехали
ближе к одиннадцати, и у меня даже возникли опасения, что
господин Карстерс потерял надежду нас дождаться.

С первого взгляда Риджуэй-холл показался мне эдакой
шкатулкой для хранения драгоценностей, то бишь произве-
дений искусства, – внутри коллекционер наверняка разме-
стил множество бесценных шедевров. Двое ворот, по одной
паре с каждой стороны, выходили в общественный переулок,

подъездная дорожка в форме подковы из гравия огибала ухаженную лужайку и вела прямо к входной двери. Ворота были обрамлены декоративными пилястрами, опиравшимися на каменных львов, каждый из которых сидел с поднятой лапой, как бы предупреждая посетителей хорошенько подумать, прежде чем войти в дом. Между львами шел невысокий простенок. Сам дом находился чуть в глубине. Я бы назвал его виллой, построенной в классическом георгианском стиле, это был идеальный квадрат белого цвета с изящными окнами, расположенными симметрично по обе стороны от входа. Симметрия распространялась и на деревья, среди которых было много замечательных экземпляров, но посаженных так, что одна сторона сада фактически зеркально отражала другую. Неожиданно общую упорядоченную картину портил итальянский фонтан, прекрасный сам по себе, с играющими купидонами и дельфинами из камня, а на тонком слое льда поигрывало лучами солнце, – он был немного смещен в сторону. Так и хотелось поднять его и передвинуть фута на три влево.

Оказалось, что полиция уже успела приехать и уехать. Дверь нам открыл хорошо одетый дворецкий мрачного вида. Он провел нас по широкому коридору, по обе стороны которого были комнаты, стены сплошь увешаны картинами, гравюрами, старинными зеркалами и гобеленами. На столике с искривленными ножками стояла скульптура: мальчик-пастушок опирается на посох. В дальнем углу – высокие старин-

ные часы в белой позолоченной оправе, их мягкое тиканье эхом разносилось по всему дому. Дворецкий провел нас в гостиную, где мы застали Карстерса – он сидел на кушетке и беседовал с дамой на несколько лет моложе его. На нем был черный сюртук, серебристый жилет, кожаные туфли. Длинные волосы аккуратно зачесаны назад. Глядя на него, можно было предположить, что он только что проиграл партию в бридж – никакие более драматические события по его внешнему облику не угадывались. Но, увидев нас, он тут же вскочил с места.

– Ага! Вы все-таки приехали! Вчера вы сказали, что у меня нет причин опасаться человека, которого я считаю Киланом О’Донахью. Но этой же ночью он вломился ко мне в дом. Вскрыл сейф и забрал оттуда пятьдесят фунтов и драгоценности. Жена очень чутко спит, и она спугнула его в разгар пиршества. А если бы нет? Кто знает, каким был бы его следующий шаг?

Я внимательно посмотрел на даму, что сидела рядом с ним. Маленького роста, очень привлекательная особа лет тридцати, в глаза бросались поразительно подвижное и умное лицо и осанка уверенного в себе человека. Белокурые волосы собраны сзади в пучок, прическа добавляла ей изящества и женственности. Хотя утро ее было наполнено тревогой, я понял, что она наделена чувством юмора, он угадывался в ее глазах – необычная смесь голубого с зеленым, – а краешки губ то и дело озарялись лучиком улыбки. Щекам

были не чужды веснушки. Платье простое, с длинными рукавами, без каких-либо украшений или тесьмы. На шее жемчужное ожерелье. Что-то в ней почти сразу же напомнило мне мою собственную жену, мою дорогую Мэри. Она еще и слова не произнесла, а я уже почувствовал, что они схожи и внутренним обликом: природная независимость вкупе с обостренным чувством долга по отношению к человеку, которого она избрала в мужа.

– Для начала представьте нас, – попросил Холмс.

– Разумеется. Это моя жена Кэтрин.

– Вы, должно быть, господин Шерлок Холмс. Большое спасибо, что так быстро откликнулись на нашу телеграмму. Это я попросила Эдмунда ее послать. Сказала, что вы обязательно приедете.

– Как я понимаю, с вами произошла не самая приятная история, – посочувствовал Холмс.

– Вы правы. Все было именно так, как только что сказал муж. Ночью я проснулась, посмотрела на часы – двадцать минут четвертого. В окно светила полная луна. Я сначала решила, что меня разбудила какая-то птица, может быть сова, но тут услышала другой звук откуда-то из дома и поняла, что ошибаюсь. Я поднялась с постели, накинула халат и спустилась вниз.

– Опрометчивый поступок, дорогая, – вмешался Карстерс. – Ты могла пострадать.

– Но я же не думала, что мне угрожает опасность. По

правде говоря, мне и в голову не пришло, что в доме может быть чужой. Я думала, это кто-то из Кирби или даже Патрик. Я этому парню не вполне доверяю, если честно. Короче, я мельком оглядела гостиную. Там было все как обычно. Потом, сама не знаю почему, решила заглянуть в кабинет.

– Света с вами не было? – спросил Холмс.

– Нет. Луна светила достаточно ярко. Я открыла дверь и увидела фигуру, силуэт на подоконнике, руки чем-то заняты. Он тоже меня увидел – мы застыли, глядя друг на друга, между нами простирался ковер. Я была так потрясена, что даже не закричала. Потом он просто вывалился в окно, упал на траву, и в эту секунду мое оцепенение прошло. Я вскрикнула, подняла тревогу.

– Мы сейчас же обследуем сейф и кабинет, – пообещал Холмс. – Но прежде, госпожа Карстерс, хочу сказать, что акцент выдает в вас американку. Давно ли вы замужем?

– Мы с Эдмундом состоим в браке почти полтора года.

– Мне следовало бы сразу рассказать вам, как я встретился с Кэтрин, – произнес Карстерс. – Потому что тут есть непосредственная связь с моим вчерашним повествованием. Я не упомянул об этом по простой причине – решил, что это не имеет значения.

– Значение имеет все, – возразил Холмс. – Я часто сталкиваюсь с тем, что наименее заметный эпизод дела оказывается самым существенным.

– Мы познакомились на «Каталонии» в тот самый день,

когда это судно вышло из Бостона, – объяснила Кэтрин Карстерс. Она подалась вперед и взяла мужа за руку. – Я путешествовала одна, если не считать девушку, которую я пригласила к себе в компаньонки. Эдмунда я заметила во время посадки и сразу же поняла: с ним случилось что-то жуткое. Это было ясно по его лицу, по страху в глазах. Вечером мы виделись мельком на палубе. Мы оба путешествовали в одиночку. Судьба распорядилась так, что во время ужина мы оказались за одним столом.

– Не представляю, как бы я перенес плавание через Атлантику, не окажись рядом Кэтрин, – продолжил Карстерс. – Нервы у меня не самые крепкие, и потеря картин, смерть Корнелиуса Стилмена, кошмарная пальба... для меня это был явный перебор. Я был не в себе, меня колотила лихорадка. Но Кэтрин с самого начала проявила обо мне заботу, и чем дальше мы отплывали от берегов Америки, тем крепче становились мои к Кэтрин чувства. Надо сказать, господин Холмс, что идея любви с первого взгляда всегда вызывала у меня усмешку. Я мог читать о такой любви в бульварных романах, но никогда в нее не верил. Но именно она меня и настигла. Ко времени прибытия в Англию я знал: я встретил женщину, с которой хочу быть до конца жизни.

– А позвольте спросить, с какой целью отправлялись в Англию вы? – спросил Холмс, поворачиваясь к супруге.

– Я была в недолгом браке в Чикаго, господин Холмс. Муж занимался недвижимостью, он был уважаемым бизне-

сменом и регулярно ходил в церковь, но при этом ко мне по-настоящему добрым не был никогда. Он обладал жутким нравом, и порой я просто боялась за свою безопасность. Друзей у меня было не много, и он делал все, чтобы число их не увеличивалось. В последние месяцы нашего брака он фактически заточил меня в доме, может быть опасался, что я расскажу о нем всю правду. А потом он внезапно заболел туберкулезом и скончался. Увы, дом и основная часть состояния отошли его двум сестрам. Я осталась почти без денег, без друзей. Причин, по которым я желала бы остаться в Америке, просто не было. И я решила уехать. Сказала себе: поеду в Англию и начну все сначала. — Она опустила взор и добавила с выражением кротости на лице: — Я не рассчитывала, что попаду в Англию так скоро и найду счастье, какого так долго недоставало в моей жизни.

В коридоре пробили часы. Холмс живо поднялся с места, лицо освещала улыбка. Я видел, что он собран, энергичен и рвется в бой, — я знал его таким очень хорошо.

— Время не ждет! — воскликнул он. — Надо осмотреть сейф и комнату, где он стоит. Вы сказали, что на «Каталонии» были с компаньонкой?

— Я наняла ее в Бостоне, раньше мы не встречались. Вскоре после нашего приезда в Англию мы расстались.

— Вы говорите, что украдены пятьдесят фунтов. В общем и целом сумма невелика. Посмотрим, оставил ли вор для нас следы.

Но прежде, чем он успел заняться делом, в комнату вошла еще одна женщина, и я сразу понял: она, хотя и жила в этом доме, отличалась от Кэтрин Карстерс в максимально возможной степени. Малоинтересная, неулыбчивая, одета в серое, темные волосы пучком уложены на затылке. На груди серебряный крестик, руки сплетены, как во время молитвы. Темные глаза, бледная кожа и форма губ подсказали мне – это родственница Карстерса, но в ней не было его театральности, скорее она напоминала суфлера, чья доля – стоять в тени и ждать, когда актер на сцене забудет свой текст.

– Ну, что теперь? – строго спросила она. – Сначала ко мне в комнату приходят полицейские и задают дурацкие вопросы, на которые у меня не может быть ответа. Этого мало? Теперь в нашу личную жизнь должен вмешиваться весь мир?

– Это господин Шерлок Холмс, Элиза, – чуть замаявшись, представил Холмса Карстерс. – Я тебе говорил, что вчера обращался к нему за советом.

– И каков результат? Он ничем не может помочь – так тебе было сказано. Отличный совет, Эдмунд, лучше не бывает. Нас всех могли убить прямо во сне.

Карстерс посмотрел на нее – любовь в его взгляде слилась с раздражением.

– Это моя сестра Элиза, – сказал он.

– Вы живете в этом доме? – спросил ее Холмс.

– Меня здесь терпят, – последовал ответ. – У меня комната на чердаке, где я предоставлена сама себе, и всех это

устанавливает. Физически я здесь, но членом семьи не являюсь. С тем же успехом можете говорить с прислугой.

— Элиза, вы же знаете, что это не так, — вмешалась госпожа Карстерс.

Холмс повернулся к Карстерсу:

— Расскажите, если возможно, много ли народу находится в доме.

— Помимо меня и Кэтрин верхний этаж действительно занимает Элиза. Есть Кирби, это наш дворецкий, он же мастер на все руки. Дверь вам открыл именно он. Его жена — наша экономка, они живут внизу. К ним из Ирландии недавно приехал племянник, Патрик, он выполняет отдельные поручения, еще есть судомойка, Элси. К тому же мы держим кучера и конюха, но они живут в деревне.

— Большое у вас хозяйство и беспокойное, — заметил Холмс. — Но мы собирались осмотреть сейф.

Элиза Карстерс осталась на месте. Все остальные вышли из гостиной и проследовали по коридору в кабинет Карстера, в тыльную часть здания. Окна кабинета выходили в сад, на некотором отдалении находился декоративный пруд. Кабинет оказался удобной, хорошо спланированной комнатой: стол между двумя окнами, бархатные занавеси, добротный камин, на стенах несколько пейзажей (по ярким тонам и почти поспешно сделанным мазкам я понял, что это работы импрессионистов, упоминавшихся Карстерсом). Сейф, достаточно внушительного вида, обосновался в углу. Он был

открыт.

– В таком виде вы его застали? – спросил Холмс.

– Его осмотрела полиция, – ответил Карстерс. – Но я решил, что лучше оставить его открытым до вашего приезда.

– Правильно. – Холмс глянул на сейф. – У кого есть ключ? Насколько я понимаю, сейф не взломан, стало быть, его открыли ключом, – заключил он.

– Ключ всего один, и он всегда у меня. Впрочем, полгода назад я попросил Кирби сделать дубликат. Кэтрин держит в сейфе свои драгоценности, и когда меня нет – я ведь езжу на аукционы по всей стране, а бывает и в Европу, – ей нужен свой ключ от сейфа.

Госпожа Карстерс вошла в кабинет следом за нами и сейчас стояла у стола. Она свела руки вместе и сказала:

– Я его потеряла.

– Когда это было?

– Точно не скажу, господин Холмс. Месяц назад, а то и больше. Мы с Эдмундом это уже обсуждали. Я хотела открыть сейф несколько недель назад и не смогла найти ключ. В последний раз я им пользовалась на мой день рождения, в августе. Куда он девался, понятия не имею. Вообще-то, я человек аккуратный.

– А его могли украсть?

– Обычно я держу его в ящичке прикроватного комода. В спальню, кроме слуг, никто не заходит. Насколько я знаю, из дома ключ никто не выносил.

Холмс повернулся к Карстерсу:

– Вы не поменяли сейф.

– Все время хотел это сделать. Но как-то решил, что, если ключ и выпал в саду или даже в деревне, никто не будет знать, какую дверь он открывает. Более вероятно, что он потерялся где-то среди вещей жены, а раз так, в чужие руки он едва ли попадет. В общем, не могу сказать с уверенностью, что сейф открыли ключом жены. Ведь Кирби вполне мог сделать еще один.

– Он с вами давно?

– Шесть лет.

– У вас нет оснований жаловаться на него?

– Ни малейших.

– А его племянник Патрик? Ваша жена говорит, что не сильно ему доверяет.

– Жена его недолюбливает, потому что он бывает нагловат, а порой и плутоват. Он живет у нас всего несколько месяцев, и мы взяли его по просьбе миссис Кирби, она просила нас помочь ему с работой. Она поручилась за него, и оснований обвинять его в бесчестности у меня нет.

Холмс извлек на свет лупу и стал разглядывать сейф, обращая особое внимание на замок.

– Вы говорите, что пропали кое-какие драгоценности, – сказал он. – Вашей жены?

– Нет. Речь идет о сапфировом ожерелье, оно принадлежало моей покойной матери. Три нитки сапфиров в золотой

оправе. Едва ли это ожерелье представляет финансовую ценность для грабителя, но для меня это воспоминание о матери. Она жила с нами вплоть до последнего времени, но вдруг... – Он смолк, к нему подошла жена и положила руку ему на запястье. – Произошел несчастный случай, господин Холмс. В ее спальне был газовый свет. Каким-то образом пламя погасло, и она умерла во сне от удушья.

– Ей было много лет?

– Шестьдесят девять. Она всегда спала с закрытым окном, даже летом. Будь окно открыто, она осталась бы в живых.

Холмс отошел от сейфа и приблизился к окну, я последовал за ним. Он внимательно осмотрел подоконник, оконные створки и раму. По привычке свои наблюдения он произносил вслух – не обязательно для того, чтобы поделиться ими со мной.

– Ставен нет, – начал он. – Окно закрывается на задвижку, расположено невысоко над землей. Видимо, раму взломали снаружи. Дерево расщеплено, скорее всего, отсюда и звук, услышанный госпожой Карстерс. – Он произвел в уме какие-то подсчеты. – Если возможно, я бы поговорил с Кирби. А потом прогулялся бы по саду, хотя местная полиция наверняка вытоптала все, что могло бы дать нам ключ к происшедшему. Они поделились с вами результатами своего расследования?

– Незадолго до вашего приезда инспектор Лестрейд вернулся в дом и вкратце сообщил нам...

– Что? Лестрейд? Здесь был Лестрейд?

– Да. Не знаю, господин Холмс, какого вы о нем мнения, но мне показалось, что он действовал весьма старательно и деловито. Он уже выяснил, что человек с американским акцентом сел в первый поезд из Уимблдона до Лондонского моста в пять часов утра. По тому, как он был одет, по шраму на правой щеке мы пришли к выводу, что именно его я видел возле своего дома.

– Могу вас заверить, что, коль скоро за дело взялся Лестрейд, выводы не заставят себя долго ждать... даже если будут полностью ошибочными. Всего доброго, господин Карстерс. Госпожа Карстерс, рад знакомству. Идемте, Ватсон...

Мы проделали тот же путь по коридору, но в обратную сторону, у входных дверей нас уже поджидал Кирби. При первой встрече он не проявил ни малейшего намека на дружелюбие, но вполне возможно, просто видел в нас некую помеху его мирному домоуправлению. Его вытянутое лицо и теперь оставалось каменным, такой человек не произнесет ни одного лишнего слова, но, по крайней мере, на все вопросы Холмса Кирби послушно ответил. Подтвердил, что в Риджуэй-холле работает шесть лет. Сам он родом из Барнстэпла, жена из Дублина. Холмс спросил, многое ли изменилось в доме за время его пребывания здесь.

– О да, сэр, – последовал ответ. – Прежняя госпожа Карстерс была человеком строгих правил. И если ей что-то не нравилось, она вполне могла сделать тебе выговор. Но-

вая госпожа Карстерс – полная ей противоположность. Она очень весела и доброжелательна. Моя жена называет ее «гло-ток свежего воздуха».

– Вы были рады браку господина Карстерса?

– Мы были в полном восторге, сэр, и в той же степени удивлены.

– Удивлены?

– Не хотелось бы показаться бестактным, но в прошлом господин Карстерс к браку интереса не проявлял и целиком посвящал себя семье и работе. Госпожа Карстерс возникла на сцене совершенно внезапно, но все мы считаем, что дом с ее появлением только выиграл.

– Вы были здесь, когда скончалась прежняя хозяйка?

– Очень даже был, сэр. Отчасти в ее смерти я виню себя. Хозяйка жутко боялась сквозняков, в результате я – по ее настойчивому требованию – заделал все щели, через которые в комнату мог проникнуть воздух. Поэтому газу просто некуда было деваться. Утром хозяйку нашла горничная Элси. Комната вся дымилась, это было ужасно.

– А Патрик в доме уже был?

– Патрик приехал за неделю до этого жуткого события. Первые шаги оказались для него воистину зловещими, сэр.

– Насколько я понял, он ваш племянник?

– Да, сэр, со стороны жены.

– Из Дублина?

– Верно. Патрику не так просто дается работа в услуже-

нии. Мы надеялись, что поможем ему сделать первые шаги на жизненном поприще, но ему еще предстоит усвоить, как себя вести в соответствии с занимаемым в обществе местом, в особенности как обращаться к хозяину дома. Возможно, причина в какой-то степени объясняется произошедшей бедой, а вслед за ней и нарушением устоявшихся порядков. Парень он неплохой, хочу верить, что со временем образумится и займет в жизни достойное место.

– Спасибо, Кирби.

– Рад быть полезным, сэр. У меня ваше пальто и перчатки.

В саду Холмс выказал чрезвычайно бодрое и оживленное расположение духа. Он вышагивал по лужайке, вдыхая свежий воздух и явно наслаждаясь кратким бегством из города, потому что туманы Бейкер-стрит до Уимблдона не добрались. Облик этого пригорода в те времена местами был более чем деревенским. На склоне холма возле дубовой рощи паслось стадо овец. Там и сям без особой упорядоченности располагались загородные дома, и мы с Холмсом были поражены безмятежностью этого пейзажа и удивительным светом, благодаря которому все предметы вокруг виделись в резком фокусе.

– Дело просто восхитительное, согласны? – воскликнул Холмс, когда мы направлялись к переулку.

– Мне оно кажется весьма банальным, – ответил я. – Украдено пятьдесят фунтов и старое ожерелье. Не могу сказать, Холмс, что вашему интеллекту брошен редкий вызов.

– Факт пропажи ожерелья кажется мне особенно замечательным, учитывая все, что мы слышали об этом доме. А вы, стало быть, уже знаете разгадку?

– Думаю, ответ зависит от того, действительно ли непрощенный гость был близнецом из Бостона.

– А если я скажу вам, что почти наверняка это был кто-то другой?

– Тогда я отвечу, что, как нередко бывало, вы ставите меня в тупик.

– Мой дорогой Ватсон! Как чудесно, что вы рядом. Так вот, мне кажется, что ночной злоумышленник появился отсюда...

Мы подошли к краю сада, подъездная дорожка здесь перетекала в переулок, а по ту его сторону простирались зеленые поля. Холодная погода и не думала отступать, и хорошо ухоженная лужайка являла собой идеальное полотно, на котором мороз прихватил все передвижения за последние двадцать четыре часа.

– Вот, если не ошибаюсь, шагает наш старательный и деловитый Лестрейд.

Отпечатков ног кругом было предостаточно, но Холмс указал на конкретные следы.

– Вы не можете сказать наверняка, что это его следы.

– Думаете, не могу? Длина шага предполагает, что рост этого человека пять футов и шесть дюймов – точь-в-точь как у Лестрейда. Ботинки тупоносые, я часто видел такие на его

ногах. Но самая явная улика – следы ведут совершенно не туда, оставивший их человек пропустил все мало-мальски значимое. Кто это еще может быть, как не Лестрейд? Смотрите – он вошел и вышел через правые ворота. Когда просто подходишь к дому, они попадаются на твоём пути первыми, и, вполне естественно, ты заходишь в эти ворота. Но наш злоумышленник, безусловно, прибыл другой дорогой.

– По-моему, Холмс, обе пары ворот совершенно одинаковы.

– Ворота действительно одинаковы, но те, что слева, менее заметны из-за расположения фонтана. Если хотите подойти к дому так, чтобы остаться незамеченным, вы выберите именно левые ворота. А теперь посмотрите – от них ведут следы, и именно они нас с вами интересуют. Ага! Что у нас здесь такое? – Холмс присел, поднял с земли окурок и показал мне. – Американская сигарета, Ватсон. Этот табак не спутаешь. Между прочим, пепла поблизости не видно.

– Окурок есть, а пепла нет?

– Значит, хоть ночной гость и старался остаться незамеченным, но особенно мешкать не стал. Как считаете, это существенно?

– Дело было среди ночи, Холмс. Он видел, что дом погружен во тьму. Кого ему бояться? Кто его увидит?

– Тем не менее... – (Следы тянулись через лужайку, потом свернули за угол дома и вывели нас к окну кабинета.) – Он шел спокойно и уверенно. Даже у фонтана останавливаться

не стал – проверить, все ли в порядке. – Холмс осмотрел окно, которое раньше мы оглядели изнутри. – Полагаю, что это человек недюжинной силы.

– Выломать раму большого труда не составило.

– Вы правы, Ватсон. Но обратите внимание на высоту окна. Вот здесь он выпрыгнул из него, когда ретировался. В траве остались два глубоких отпечатка. Но нигде не видно признаков лестницы или садового кресла. Возможно, какую-то точку опоры он нашел на стене. Раствор кое-где вывалился, на какие-то края можно опереться. Но все-таки одной рукой он должен был уцепиться за подоконник, а другой выламывать раму. Есть и еще один вопрос: случайно ли, что он залез именно в ту комнату, где стоит сейф?

– Он просто обошел дом с тыла, потому что место там совсем уединенное и вероятность быть замеченным минимальна. А дальше выбрал первое попавшееся окно.

– В таком случае ему удивительно повезло. – Свой осмотр Холмс завершил. – Все именно так, как я полагал, Ватсон, – продолжил он. – Отследить ожерелье с тремя нитками сапфиров в золотой оправе будет несложно, а уж оно выведет нас на похитителя. Лестрейд, по крайней мере, подтвердил, что вор сел в поезд до Лондонского моста. Мы последуем его примеру. До станции недалеко, денек сегодня погожий. Прогуляемся пешком.

Мы вышли к фасаду дома и двинулись к переулку по подъездной дорожке. Но тут парадная дверь Риджуэй-холла от-

крылась, из дома опрометью выбежала женщина и остановилась перед нами. Это была Элиза Карстерс, сестра галериста. Концы накинутой на плечи шали она прижимала к груди, и по ее облику, горящим глазам и прилипшим ко лбу темным прядкам волос было ясно, что она сильно испугана.

– Господин Холмс! – воскликнула она.

– Да, мисс Карстерс.

– Я в доме вам нагубила, прошу меня простить. Но я должна сказать вам: все здесь не так, как кажется, и, если вы нам не поможете, не снимете нависшее над нашим домом проклятие, мы обречены.

– Умоляю вас, мисс Карстерс, успокойтесь.

– Всему этому виной она! – Обвиняющий перст мисс Карстерс метнулся в направлении дома. – Кэтрин Мэрриэт, такое имя она носила после первого брака. Когда она встретила Эдмунда, дух его был надломлен до крайности. Чувствительность была ему свойственна с детства, и нервы его просто не могли выдержать бремени, какое навалилось на него в Бостоне. Он был изможден, нездоров – конечно, ему требовалась чья-то забота. И тут на него набросилась она. Какое она имела право, американка без роду без племени, практически без гроша за душой? Открытое море, бесконечные дни на борту океанского судна – она оплела его паутиной, и, когда «Каталония» причалила в Лондоне, было уже поздно. Переубедить его мы не могли.

– Без нее прийти в себя ему помогли бы вы.

– Я любила его, как может любить только сестра. Наша мама в нем души не чаяла. Не верьте ни на минуту, что ее смерть – несчастный случай. Наша семья, господин Холмс, всегда пользовалась уважением в обществе. Отец продавал гравюры и эстампы, в Лондон приехал из Манчестера, именно он основал картинную галерею на Элбмарл-стрит. К сожалению, он умер, когда мы были еще совсем молоды, и с того времени мы жили с мамой втроем в полной гармонии. И вот Эдмунд объявил о своем решении вступить в брак с госпожой Мэрриэт, не стал принимать наши доводы и отказался слушать голос разума – и сердце моей дорогой мамы было разбито. Конечно, мы не возражали против женитьбы Эдмунда в принципе. Что в этом мире было для нас важнее его счастья? Но чтобы его женой стала она? Приезжая авантюристка, которую мы раньше в глаза не видели. С самого начала стало ясно: ее интересуют только его богатство и положение в обществе, уютная и защищенная жизнь под его крылом. Моя мама наложила на себя руки, господин Холмс. Этот брак обрек ее на вечные муки, она испытывала жгучий стыд, жизнь стала невыносимой – и через полгода после свадьбы она, лежа в своей постели, повернула газовый кран и приняла смерть от удушья, безмятежно уплыла от нас по реке забвения.

– Мама сообщала вам о своих намерениях? – спросил Холмс.

– В этом не было нужды. О ее душевном состоянии мне

было прекрасно известно, и ее уход не был для меня большим сюрпризом. Она сделала свой выбор. Ведь с приездом американки, господин Холмс, жизнь в нашем доме утратила свою прелесть. А теперь эта новая история – в дом вламывается злоумышленник и похищает мамино ожерелье, самое волнующее воспоминание об этой нежной усопшей душе. Это все тот же зловещий рок. А что, если этот непрощенный гость прибыл вовсе не отомстить за брата? Вдруг он здесь из-за нее? Когда этот тип появился впервые, мы с ней сидели в гостиной. Я видела его через окно. Допускаю, что это ее прежний знакомый, который отыскал ее здесь. А может, и больше чем знакомый. Но это только начало, господин Холмс. Пока этот брак в силе, всем нам угрожает опасность.

– Но ваш брат производит впечатление довольного жизнью человека, – заметил Холмс без особого энтузиазма. – Впрочем, дело даже не в этом. Чего бы вы хотели от меня? Мужчина имеет право выбирать жену без материнского благословения. Тем более без благословения сестры.

– Вы можете собрать о ней сведения.

– С какой стати, мисс Карстерс?

Элиза Карстерс одарила его взглядом, полным презрения.

– Я слышана о ваших подвигах, господин Холмс, – произнесла она. – И мне всегда казалось, что они сильно преувеличены. Вы сами, при всем вашем уме, поражали меня вашей бесчувственностью, неспособностью понять душу другого человека. Сейчас я вижу, что так оно и есть.

С этими словами она развернулась и пошла к дому.

Холмс смотрел ей вслед, пока дверь за ней не закрылась.

– В высшей степени занятно, – заметил он. – Дело становится все более любопытным и сложным.

– В жизни не доводилось слышать, чтобы женщина говорила с такой яростью, – высказал я свое мнение.

– Согласен, Ватсон. Хочу выяснить одно обстоятельство, потому что положение дел, на мой взгляд, становится весьма опасным. – Он взглянул на фонтан, на каменные фигуры и замерзшую по кругу воду. – Интересно знать, умеет ли госпожа Кэтрин Карстерс плавать?

Глава 4

Неофициальные силы полиции

На следующее утро Холмс отсыпался, и я сидел один за книгой «Мученичество человека» Уинвуда Рида, которую он мне настойчиво рекомендовал, но, признаюсь, чтение шло тяжело. Впрочем, мне было понятно, чем автор увлек моего друга: ненавистью к «лени и глупости», ссылками на «божественный интеллект», предположением, что «за точку отсчета человек естественным образом принимает себя». Холмс вполне мог бы написать такое и сам, и хотя я был рад перевернуть последнюю страницу и отложить книгу в сторону, все-таки получил некоторое представление об образе мышления детектива. С утренней почтой пришло письмо от Мэри. В Камберуэлле все было хорошо. Ричард Форрестер не настолько прихворнул, чтобы не прийти в восторг от появления своей прежней гувернантки, а сама Мэри явно наслаждалась обществом мамы Ричарда, которая обращалась с ней как с ровней, а не как с бывшей работницей.

Я уже взялся за ручку писать ответ, как в дверь настойчиво позвонили, затем послышался топот нескольких пар ног по ступеням. Этот звук я помнил очень хорошо и оказался полностью подготовлен, когда в комнату ворвалась ватага беспризорников и выстроилась в некоторое подобие линии

под громким водительством самого высокого и старшего из них.

– Виггинс! – воскликнул я, потому что помнил, как его зовут. – Вот не думал, что снова свидимся.

– Господин Олмс послал за нами, мол, дело крайне срочное, – доложил Виггинс. – А уж раз господин Олмс зовет, мы всегда тут как тут!

Однажды Шерлок Холмс назвал эту братию отделом полицейских расследований с Бейкер-стрит. Иногда он называл их нерегулярными частями. Это была поражающая воображение шайка оборванцев и голодранцев от восьми до пятнадцати лет, засаленные грязнули в одежде, шитой и перешитой столько раз, что было невозможно сказать, сколько детей до них ее носило. На самом Виггинсе была уполовиненная куртка взрослого человека – из середины вырезали кусок, а потом верх и низ снова сшили. Несколько мальчишек были босиком. Только один, как я заметил, выглядел толковее других, да и одет был получше – одежонка не такая ветхая... Интересно, какой порок – карманные кражи или грабеж – позволяет ему не просто выживать, но на свой лад еще и процветать? С виду ему было лет тринадцать, но, как и остальные члены шайки, школу взросления он уже прошел. Можно сказать, что детство – это первая драгоценная монетка, которую у ребенка забирает бедность.

Через минуту появился Шерлок Холмс, а следом за ним миссис Хадсон. Я видел, что наша домовладелица возбужде-

на и недовольна, скрыть свои мысли она даже не пыталась:

– Я этого не потерплю, господин Холмс. Я вам уже об этом говорила. У меня приличный дом, и нечего водить сюда каких-то оборванцев. Ведь какую заразу они могут занести, подумать страшно! А сколько серебряной утвари и белья мы можем после их ухода недосчитаться?

– Пожалуйста, успокойтесь, милейшая миссис Хадсон, – рассмеялся Холмс. – Виггинс! Я ведь тебе говорил: такое вторжение в наш дом неприемлемо. В следующий раз придешь с докладом один. Но раз уж ты здесь и затащил сюда всю шайку, внимательно слушайте мои инструкции. Объект нашего наблюдения – американец, лет тридцати пяти, иногда носит кепку, на правой щеке свежий шрам. Лондона он, скорее всего, не знает. Вчера он был на вокзале «Лондонский мост» и имел при себе золотое ожерелье с тремя нитками сапфиров, само собой разумеется, оно ему досталось нечестным путем. Как считаете, где он попытается сбыть его с рук?

– Доходные дома в Фулвуде! – крикнул один мальчишка.

– У евреев на Петтикоут-лейн! – прокричал другой.

– Нет! В притонах ему дадут больше, – предположил третий. – Я бы пошел на Флауэр-стрит или на Филд-лейн.

– К ростовщикам! – вмешался паренек, что был одет лучше других и первым привлек мое внимание.

– К ростовщикам! – согласился Холмс. – Как тебя зовут?

– Росс, сэр.

– Росс, у тебя задатки детектива. Человек, которого мы

ищем, в городе чужой и не знает ни Флауэр-стрит, ни доходных домов в Фулвуде, ни других заветных уголков, где вы, дорогие отроки, ищите на свою голову неприятности. Он пойдет в какое-то известное место, а вывеску ростовщика – три золотых шара – знают во всем мире. Оттуда и начнем. Он прибыл на вокзал и, видимо, остановился в гостинице или меблированных комнатах неподалеку. Вам надо обойти всех ростовщиков в квартале, описать им человека и ожерелье, которое он, возможно, попытается продать. – Холмс сунул руку в карман. – Ставки как всегда: шиллинг каждому плюс гиней тому, кто найдет искомое.

Виггинс браво скомандовал, и неофициальное подразделение полиции с шумом и гамом отправилось на задание под ястребиным взором миссис Хадсон, которая теперь все утро будет пересчитывать ножи и вилки. Как только они ушли, Холмс удовлетворенно хлопнул в ладоши и рухнул в кресло.

– Итак, Ватсон, – обратился он ко мне, – что вы на это скажете?

– Похоже, вы всерьез рассчитываете найти О’Донахью, – заметил я.

– Абсолютно уверен, что найдем человека, который вломился в Риджуэй-холл, – последовал ответ.

– Не кажется ли вам, что навести справки у ростовщиков решит и Лестрейд?

– Сильно сомневаюсь. Это настолько очевидно, что едва ли придет ему в голову. Но поскольку впереди у нас целый

день и заполнить его нечем, к тому же я проспал завтрак, предлагаю пойти пообедать в «Кафе де Лероп», это около театра «Хеймаркет». Несмотря на название, кухня вполне английская, к тому же первоклассная. А потом я намереваюсь сходить в галерею Карстерса и Финча на Элбмарл-стрит. Знакомство с господином Тобиасом Финчем может оказаться интересным. Миссис Хадсон, если Виггинс вернется, направьте его туда. А сейчас, Ватсон, скажите, что вы думаете о «Мученичестве человека»? Вижу, в конце концов вам удалось сей труд одолеть.

Я глянул на книгу, безобидно лежавшую на боку.

– Но, Холмс...

– Закладкой вам служила рекламная карточка из пачки сигарет. Я наблюдал за ее мучительным продвижением от начала к концу и вот вижу, что она лежит на столе, освобожденная от тяжких трудов. Интересно было бы услышать ваши выводы. Может быть, миссис Хадсон, вы сообразоволяете принести нам чай?

Мы вышли на улицу и зашагали к Хеймаркет². Туман уже поднялся, и хотя было все еще довольно холодно, но день уже разгулялся, толпы народа втекали в магазины и вытекали обратно, а уличные торговцы везли тележки и нахваливали свой товар. На Уимпол-стрит была настоящая толчея – лю-

² *Хеймаркет* – улица в Вестминстере, на которой расположен одноименный театр.

ди обступили шарманщика: старый итальянец наигрывал какую-то грустную неаполитанскую мелодию, сюда же нахлынули и проходимцы разных мастей, они терлись среди праздной публики и рассказывали свои скорбные истории любому, кто был готов их слушать. Почти на каждом углу кто-то демонстрировал свое искусство, и желающих прогнать уличных артистов не было. Мы поели в «Кафе де Лероп», где нас потчевали отличным пирогом из дичи, и Холмс был в игривом настроении. Он не говорил о новом деле, разве что опосредованно, потому что я помню его рассуждения о природе живописи и о том, можно ли ее использовать для раскрытия преступления.

– Помните, Карстерс говорил нам о четырех пропавших полотнах Констебла, – начал он. – Это были виды Озерного края, написанные в начале века, когда художник, по всей видимости, пребывал в мрачном и подавленном состоянии духа. Таким образом, краски на полотне становятся ключом к его психологическому настрою, отсюда же следует, что, если кто-то осознанно вешает такую картину у себя в гостиной, мы можем многое узнать и о его чувствах. Например, вы заметили, какие картины выставлены в Риджуэй-холле?

– По большей части французские. Помню пейзаж в Бретани, люди на мосту через Сену. На мой взгляд, картины очень достойные.

– Вы восхищались ими, но они ничего вам не сказали.

– О личности Эдмунда Карстерса? Сельскую местность

он предпочитает городу. Ему близка детская непосредственность. Ему нравится, когда его окружают разные цвета. Наверное, об особенностях его личности можно что-то сказать, глядя на картины, что висят в его доме. Но Карстерс совершенно не обязательно выбирал каждую сам. Вполне возможно, ответственность с ним делят жена или покойная мама.

– Вы совершенно правы.

– И даже у человека, который убил собственную жену, может быть какая-то нежная струна в душе, которая и находит отражение в его выборе произведений искусства. Помните историю семьи Абернетти? Мне кажется, что на стенах в доме Хораса Абернетти висело много замечательных полотен с изображением местной флоры. При этом сам он был весьма омерзительным и наглым типом.

– Если мне не изменяет память, фауна на тех полотнах была по большей части ядовитой, раз вы об этом заговорили.

– Как насчет Бейкер-стрит, Холмс? Посетитель, оказавшийся в вашей гостиной, найдет ключ к вашему психологическому портрету, оглядев висящие на стенах работы, – вы это хотите сказать?

– Нет. Но он сможет многое сказать о моем предшественнике, потому что, Ватсон, хочу вас заверить: в моих комнатах нет буквально ни одной картины, которая там не висела бы к моменту моего вселения. Вы серьезно считаете, что я мог пойти и купить портрет Генри Уорда Бичера, который нависал над вашими книгами? Достойный восхищения че-

ловек во всех отношениях, его взгляды на рабство и религиозный фанатизм можно рекомендовать окружающим, но этот портрет достался мне в наследство от прежнего обитателя комнаты, а я просто решил: пусть себе висит.

– И портрет генерала Гордона купили не вы?

– Нет. Но после того, как я случайно всадил в него пулю, я его отреставрировал и поменял раму. На этом настояла миссис Хадсон. Знаете, я вполне могу написать монографию на эту тему: как раскрывать преступления с помощью произведений искусства.

– Холмс, вам нравится изображать из себя машину, – рассмеялся я. – Даже шедевр импрессионизма для вас не более чем улика, которая сгодится для поиска преступника. Может быть, вам стоит научиться ценить искусство, вы бы стали человечнее. Я настоятельно приглашаю вас нанести совместный визит в Королевскую академию художеств.

– Одна галерея – Карстерса и Финча – в сегодняшней повестке дня уже значится, думаю, этого вполне достаточно... Официант, сырную тарелку! И бокал, пожалуй, мозельского вина для моего друга. Портвейн в дневное время будет тяжеловат.

До галереи было довольно близко, и мы снова зашагали рядом друг с другом. Скажу честно: эти минуты спокойного общения наполняли мою душу огромной радостью, я чувствовал себя одним из самых счастливых людей в Лондоне уже потому, что принял участие в описанной выше беседе, а

теперь шел прогулочным шагом рядом с таким выдающимся персонажем, каким со всей очевидностью был Шерлок Холмс. Было около четырех, и, когда мы дошли до галереи, световой день уже клонился к закату. Оказалось, что галерея расположена не на самой Элбмарл-стрит, а рядом, в старом парке для экипажей. Если не считать достаточно скромной таблички с позолоченными буквами, мало что свидетельствовало о том, что это некое коммерческое предприятие. Низкая дверь вела в довольно мрачное помещение с двумя диванами, столом и одним полотном, установленным на мольберте, – на картине голландского художника Паулюса Поттера были изображены две коровы, пасущиеся в поле. Войдя, мы услышали, как в соседней комнате спорят два человека. Один голос я узнал – он принадлежал Эдмунду Карстерсу.

– Это отличная цена, – говорил он. – Я в этом уверен, Тобиас. Эти картины – как хорошее вино. Их стоимость может только возрастать.

– Нет, нет и еще раз нет! – пронзительно заныл другой голос. – Он называет это морскими пейзажами. Допустим, море я вижу... И это все? Его последняя выставка закончилась полным фиаско, сейчас он нашел пристанище в Париже, где, как я слышал, быстро теряет свою репутацию. Это будут выброшенные деньги, Эдмунд.

– Шесть работ Уистлера...

– От которых мы никогда не избавимся!

Я стоял у двери и прикрыл ее с большей силой, чем требовалось, чтобы сообщить о нашем присутствии двум мужчинам в соседней комнате. Желаемый результат был достигнут. Беседа прекратилась, и через мгновение из-за занавеси появился безупречно одетый – темный костюм, жесткий воротничок, черный галстук – седовласый и худощавый господин. С талии свисала золотая цепочка, на кончике носа устроилось золотое пенсне. Ему было не менее шестидесяти, но походка все еще была пружинистой, а каждый шаг говорил: энергии этому человеку не занимать.

– Господин Финч, как я понимаю, – произнес Холмс.

– Да, сэр. Собственной персоной. С кем имею честь?

– Я Шерлок Холмс.

– Холмс? Не думаю, что мы знакомы, но ваше имя я где-то слышал...

– Господин Холмс! – В комнату вошел и Карстерс.

Контраст между двумя владельцами галереи был разительный: один постаревший и сморщенный, можно сказать, принадлежавший к другой эпохе, второй моложе, более щеголеватый, с лица еще не сошли гнев и огорчение – несомненно, результат подслушанного нами разговора.

– Это господин Холмс, детектив, о котором я вам говорил, – объяснил Карстерс партнеру.

– Да-да. Разумеется. Он только что представился.

– Не ожидал, что вы здесь появитесь, – сказал Карстерс.

– Я пришел потому, что мне хотелось увидеть место ва-

шей работы, – внес ясность Холмс. – Но у меня есть к вам и несколько вопросов по поводу людей Пинкертона, нанятых вами в Бостоне.

– Жуткая история! – вмешался Финч. – Ущерб от потери этих картин мне не восполнить до конца жизни. Это самое большое бедствие в моей карьере. Если бы мы тогда продали несколько работ этого вашего Уистлера, Эдмунд! Да хоть разорвись они на части – никто ничего бы не заметил! – Как только пожилой джентльмен заговорил, остановить его было уже невозможно. – Торговля картинами, господин Холмс, – занятие респектабельное. Среди наших клиентов много аристократов. И вдруг мы попали в какую-то историю с перестрелками, убийствами. Ясно, что нам это ни к чему...

Лицо пожилого господина вытянулось, ибо оказалось, что перестрелки и убийства – это еще не все: дверь открылась, и в комнату ворвался мальчишка. Я сразу узнал Виггинса, который с другими «сотрудниками нерегулярных частей» навестил нас несколько часов назад, но для Финча это был просто налет, какой не увидишь в страшном сне.

– Вон отсюда! Сейчас же! – воскликнул он. – У нас для тебя ничего нет.

– Не тревожьтесь, господин Финч, – успокоил его Холмс. – Мальчика я знаю. В чем дело, Виггинс?

– Мы его нашли, господин Олмс! – в волнении прокричал Виггинс. – Ну, этого малого, какого вы искать велели. Мы его своими глазами видели, я и Росс. Мы уже было сунулись

в забегаловку на Бридж-лейн, Росс эту пивнушку знает, он, бывает, и сам туда заглянуть не дурак. Тут дверь открывается, и вот он, голубчик, без ошибки, на лице шрам багровый. – Парень прочертил линию на собственной щеке. – Это я его засек. Не Росс.

– Где он сейчас? – спросил Холмс.

– Мы шли за ним до гостиницы, сэр. Каждому по гинее, если отведем вас туда?

– Только попробуйте не отвести, и вам крышка, – парировал Холмс. – Виггинс, я всегда играю с тобой честно, сам знаешь. Говори, что за гостиница?

– В Бермондси, сэр. Частная гостиница госпожи Олдмор. Росс ждет там. Я оставил его караулить, а сам ноги в руки и к вам. Если этот ваш объект снова выйдет наружу, Росс с него глаз не спустит. Он хоть и новенький, да парень не промах. Пойдете со мной, господин Олмс? Возьмете экипаж? А можно мне с вами?

– Сядешь с кучером. – Холмс повернулся ко мне, и по его сведенным бровям и напряженному выражению лица я сразу понял: вся его энергия сосредоточена на предстоящих действиях. – Нам надо срочно уходить, – сказал он. – По счастливой случайности объект расследования оказался у нас в руках. Нельзя дать ему ускользнуть.

– Я поеду с вами, – вызвался Карстерс.

– Господин Карстерс, это может быть опасно...

– Но ведь я его видел. Это я вам его описал, и именно я

могу его опознать и подтвердить, что ваши мальчишки нашли того, кого надо. К тому же у меня есть личное желание довести это дело до конца, господин Холмс. Если это тот человек, за которого я его принимаю, тогда он приехал сюда из-за меня, а значит, я должен видеть, как завершится дело.

— У нас нет времени на дебаты, — сказал Холмс. — Очень хорошо. Едем втроем. Не будем больше тратить времени.

Мы поспешили к выходу — Холмс, Виггинс, Карстерс и я, — а господин Финч разинув рот глядел нам вслед. Нам тут же подвернулся четырехколесный экипаж, мы сели внутрь, а Виггинс забрался к кучеру, который смерил его презрительным взглядом, но потом смягчился и даже позволил мальчишке укрыть ноги куском своего одеяла. Щелкнул кнут, и лошади тут же тронулись с места, словно почувствовали, что дело у нас срочное. Уже почти стемнело, и с наступлением тьмы ощущение легкости, которое я испытал, совершенно рассеялось и в городе снова стало холодно и враждебно. Посетители магазинов и уличные артисты разошлись по домам и уступили место всяким сомнительным личностям — потрепанного вида мужчинам и кричаще одетым женщинам; для ведения своего бизнеса им требовалась тень, да и сам этот бизнес, по правде говоря, был теневым. Экипаж провез нас через мост Блэкфрайерс в сопровождении жутчайших порывов ледяного ветра, которые впивались в нас, словно ножи. С момента нашего отъезда Холмс не сказал ни слова, видимо, он предчувствовал, что должно произойти. Но он никогда

бы в этом не признался, и мой намек на такое предчувствие наверняка вызвал бы его раздражение. Прорицать – это не по его части. Его сильная сторона – интеллект, возведенный в систему здравый смысл. В то же время я чувствовал: им владеет нечто не поддающееся объяснению, может быть даже что-то сверхъестественное. Хотите верьте, хотите нет, но Холмс знал: события предстоящего вечера станут неким рычагом, поворотным пунктом, после которого его жизнь – и моя тоже – изменится самым серьезным образом.

Частная гостиница госпожи Олдмор предлагала постель и гостиную за тридцать шиллингов в неделю и была именно таким заведением, на какое за подобные деньги можно рассчитывать: обшарпанное и полуразрушенное здание, по одну сторону – мусорные баки, по другую – кирпичная печь для обжига. Неподалеку текла река, и в воздухе словно висела сырая сажа. За окнами горели лампы, но окна были так сильно расписаны грязью, что свет внутри только угадывался. Напарник Виггинса Росс ждал нас, поеживаясь от холода, хотя куртка его была основательно уплотнена газетной бумагой. Когда Холмс и Карстерс выбрались из экипажа, Росс сделал шаг назад, и я увидел, что он чем-то сильно напуган. Глаза посылали сигнал тревоги, а лицо в свете уличного фонаря было мертвенно-бледным. Но тут на землю прыгнул Виггинс, схватил Росса за руку – и чары словно рассеялись.

– Порядок, приятель! – воскликнул Виггинс. – И тебе, и мне – по гинее. Господин Холмс обещался.

– Расскажи: пока ты был один, тут что-нибудь случилось? – спросил Холмс. – Человек, которого ты стережешь, из гостиницы не выходил?

– А эти господа кто? – Росс указал сначала на Карстера, потом на меня. – Сыщики? Фараоны? Что они тут делают?

– Все в порядке, Росс, – сказал я. – Можешь не беспокоиться. Я Джон Ватсон, доктор. Ты меня видел сегодня утром, когда приходил на Бейкер-стрит. А это господин Карстерс, у него галерея на Элбмарл-стрит. Никакой опасности мы не представляем.

– Элбмарл-стрит – это где Мейфэр? – От холода парень стучал зубами. Конечно, лондонских беспризорников зимой не испугаешь, но он простоял на морозе почти два часа.

– Видел что-нибудь? – спросил Холмс.

– Да вот ничего, – ответил Росс. Голос его изменился. Что-то в его облике почти позволяло предположить – ему есть что скрывать. Мне и раньше приходило в голову, что все эти дети, пребывавшие в нежном возрасте, прошли период взросления куда раньше, чем полагалось. – Торчу здесь и жду вас. Он не выходил. Туда никто не заходил. А у меня от холода все косточки вымерзли.

– Вот деньги, что я тебе обещал, и тебе тоже, Виггинс. – Холмс расплатился с мальчишками. – Теперь дуйте домой. Сегодня поработали на славу.

Мальчишки забрали монеты и тут же побежали прочь, хотя Росс напоследок окинул нас взглядом.

– Что ж, – продолжил Холмс, – теперь заходим в гостиницу и напрямик к этому типу в номер. Видит бог, задерживаться здесь без особой надобности я не намерен. Что скажете про парня, Ватсон? Похоже, он сказал нам не все.

– Вы читаете мои мысли, – вынужден был признать я.

– Будем надеяться, он не совершил по отношению к нам никакого предательства. Господин Карстерс, пожалуйста, держитесь от места событий подальше. Не думаю, что наш подопечный применит насилие, но мы пришли сюда не вполне подготовленными. Надежный револьвер доктора Ватсона наверняка лежит обернутый тряпицей в каком-нибудь ящике в Кенсингтоне, я тоже не вооружен. Придется положиться на смекалку. Пошли!

Преодолев несколько ступенек, мы втроем вошли в гостиницу. За дверью оказался общий коридор – слабо освещенный, без ковров, сбоку небольшая конторка. За ней, откинувшись на спинку деревянного стула, сидел в полудреме пожилой привратник, но с нашим появлением он встрепенулся.

– Благослови вас Бог, господа, – произнес он с дрожью в голосе. – Мы можем предложить хорошие кровати для ночлега, пять шиллингов за ночь...

– Мы не собираемся снимать номер, – отрубил Холмс. – Нам нужен человек, который недавно прибыл из Америки. На щеке у него след от пулевого ранения. Дело чрезвычайно срочное, и, если не хотите, чтобы у вас были неприятности

с законом, скажите нам, где его найти.

Гостиничный ветеран в неприятностях любого рода заинтересован не был.

— Здесь живет только один американец, — сказал он. — Это господин Гаррисон из Нью-Йорка. У него комната в конце коридора на этом этаже. Он не так давно вернулся и, наверное, спит, потому что никаких звуков я не слышал.

— В каком он номере? — резко спросил Холмс.

— В шестом.

Мы сразу же пошли по коридору — голые доски, двери так близко друг к другу, что номера, наверное, были чуть больше шкафов, газовые рожки излучали тусклый свет, так что мы, можно сказать, пробирались на ощупь. Шестой номер действительно оказался в самом конце коридора. Холмс поднял кулак, намереваясь постучать в дверь, но вдруг, судорожно глотнув воздух, отпрянул. Я глянул под ноги и увидел кривую струйку жидкости, почти черную в коридорной полутьме, она вытекала из-под двери и собиралась в лужицу у плинтуса. Карстерс вскрикнул и, подавшись назад, прикрыл рукой глаза. Привратник смотрел на нас со своего конца коридора. Он словно ждал, что нечто ужасное вот-вот станет явным.

Холмс толкнул дверь, но она не открылась. Не говоря ни слова, он уперся в нее плечом, и хлипкий замок не оказал никакого сопротивления. Мы с Холмсом оставили Карстера в коридоре, вошли в номер и сразу поняли: преступле-

ние, которое мне поначалу казалось банальным, весьма существенно усложнилось. Окно было открыто. Все в комнате было перевернуто вверх дном. Объект наших поисков, скорчившись, лежал на полу, а из его шеи торчал нож.

Глава 5

На авансцену выходит Лестрейд

Недавно я снова встретился с Джорджем Лестрейдом – как оказалось, в последний раз.

Ему так и не удалось оправиться от пулевого ранения, полученного во время расследования диковинных смертей – в широкой прессе они проходили как «клеркенвельские убийства»... Впрочем, одно из них произошло в соседнем Хокстоне, а еще одно оказалось самоубийством. Лестрейд уже давно вышел в отставку и в полиции не работал, но был настолько добр, что приехал навестить меня в моем новом доме, и мы провели пару часов в обществе друг друга, предаваясь воспоминаниям. Моих читателей едва ли удивит, если я скажу, что основной темой нашей беседы был Шерлок Холмс, а я счел необходимым извиниться перед Лестрейдом по двум пунктам. Во-первых, в моих писаниях я никогда не льстил его наружности. «С лицом крысы», «похожий на хорька» – вот какие примеры приходят в голову. Достаточно сурово, но, по крайней мере, точно, ведь сам Лестрейд иногда шутил, что капризная природа-матушка наградила его внешностью скорее преступника, а не полицейского, и, возможно, выбери он первое занятие, он был бы намного богаче. Холмс тоже частенько говорил, что его собственные на-

выки, особенно по взлому замков и подделке документов, позволили бы ему преуспеть на ниве преступности ничуть не меньше, чем на детективной ниве... Забавно полагать, что при других обстоятельствах эти двое вполне могли бы работать вместе по другую сторону закона.

Во-вторых, я был к Лестрейду, пожалуй, действительно несправедлив, намекая на то, что ему недостает интеллекта либо навыков расследования. Холмс порой давал ему уничижительную характеристику, но не забывайте: сам Холмс был фигурой уникальной, по силе интеллекта ему, пожалуй, не было равных в Лондоне, и он с равным пренебрежением отзывался почти обо всех встреченных им полицейских... исключая разве что Стэнли Хопкинса, но вера Холмса в этого молодого детектива тоже часто подвергалась серьезным испытаниям. Скажем просто: любому детективу проявить себя на фоне Холмса было практически невозможно, и даже я, столько времени проводивший в его обществе, иногда был вынужден напоминать себе, что я все-таки не полный идиот. Но Лестрейд во многих отношениях был человеком способным. Если внимательно изучить общественные архивы, окажется, что Лестрейд раскрыл много дел и газеты нередко отзывались о нем со знаком плюс. Как бы то ни было, а свою карьеру он закончил заместителем начальника управления уголовных расследований Скотленд-Ярда – пусть его репутация во многом была выстроена на делах, которые, по сути, раскрыл Холмс, а лавры достались ему. В ходе нашей

долгой и приятной беседы Лестрейд дал мне понять, что в присутствии Холмса был скован страхом и, вполне возможно, именно поэтому действовал не самым лучшим образом. Увы, его больше нет, и я уверен, он не будет возражать, если я раскрою некоторые его тайны и просто воздам ему должное. Он был неплохой человек. Эти его слова о нахождении в обществе Холмса многое проясняют.

Короче говоря, в частную гостиницу миссис Олдмор на следующее утро прибыл именно Лестрейд. Да, как всегда, он был бледен лицом, с яркими, глубоко посаженными глазами, а общий его облик наводил на мысли о крысе, которой пришлось принарядиться для обеда в «Савое». Холмс известил о происшедшем уличных констеблей, те опечатали номер и держали его под наблюдением вплоть до наступления холодного утра, когда тени вокруг гостиницы рассеялись и можно было провести полноценное расследование.

– Так-так, господин Холмс, – заметил Лестрейд с нотками раздражения в голосе. – Вчера в Уимблдоне мне сказали, что вы должны вот-вот появиться, а сейчас вы прибыли даже раньше меня.

– Мы оба шли по следу несчастного, который закончил свои дни здесь, – пояснил Холмс.

Лестрейд быстро глянул на труп:

– Да, похоже, мы искали именно его.

Холмс промолчал, и Лестрейд окинул его пронизательным взглядом:

– Как вы его нашли?

– До смешного просто. Я знал благодаря вашим блестящим действиям, что поездом он вернулся на станцию «Лондонский мост». Мои агенты тут же прочесали близлежащую местность, и двоим повезло – они наткнулись на него прямо на улице.

– Полагаю, вы ссылаетесь на шайку беспризорников, которые готовы вам услужить по первому зову. На вашем месте, господин Холмс, я бы держался от них подальше. Ничем хорошим это не кончится. Все они воришки и карманники в свободное от ваших поручений время. Какие-то признаки ожерелья имеются?

– Очевидный признак один – никаких признаков. Правда, у меня не было возможности тщательно обыскать номер.

– Что ж, давайте этим и займемся.

Слова у него не расходились с делом – он тут же принялся осматривать номер. Это была жуткая комната с ободранными занавесями и подгнившим ковром, а кровать выглядела утомленной до крайности – утомленнее любого постояльца, который вознамерился в ней поспать. На стене висело треснутое зеркало. В углу стоял умывальник – замызганная раковина и одинокий бесформенный кусок засохшего мыла. Вида из окна не было никакого – оно выходило в узкую аллею, за которой шла глухая кирпичная стена, а чуть подальше, невидимая, текла Темза и насыщала комнату влагой и тяжелыми запахами. Далее Лестрейд сосредоточился на покой-

нике, тот был одет именно так, как при первой встрече описал его Карстерс: длинный сюртук до колен, плотный жилет, застегнутая до самого горла рубашка. Вся одежда была пропитана кровью. Смертоносный нож вонзили по рукоятку, он поразил сонную артерию. Мое знание медицины не оставляло места для сомнений – смерть наступила мгновенно. Лестрейд обыскал карманы убитого, но ничего не нашел. У меня была возможность присмотреться к нему внимательнее, и я увидел: человеку, нашедшему Карстерса в Риджуэй-холле, было слегка за сорок – крепкое сложение, коренастый, мускулистые руки, коротко подстриженные волосы тронуты сединой. Самой яркой чертой был шрам, он начинался в углу рта и тянулся наискось через всю скулу, едва разминувшись с глазом. Однажды он вырвался из объятий смерти. Во второй раз ему повезло меньше.

– Точно ли нам известно, что именно этот человек вторгся в дом господина Эдмунда Карстерса? – спросил Лестрейд.

– Абсолютно. Его опознал сам Карстерс.

– Он был здесь?

– Совсем недолго. К сожалению, ему пришлось уехать.

Холмс едва заметно улыбнулся, и я вспомнил, как мы схватили Эдмунда Карстерса в охапку, запихнули в кеб и отправили в Уимблдон. Он лишь мельком успел взглянуть на тело, но этого оказалось достаточно, чтобы он едва не рухнул в обморок, и я понял, каково ему было на «Каталонии» после бостонских злоключений с «Бандой в кепках». Видимо,

он обладал повышенной чувствительностью, как некоторые художники, чьи работы он выставлял. Было очевидно, что кровопролития вкупе с убогостью Бермондси не для него.

– Вот еще одна улика, если требуется, – добавил Холмс и указал на кровать – там лежала кепка.

Внимание Лестрейда между тем переключилось на пачку сигарет, оставленную на столе. Он взглянул на этикетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.